

ЭКСПАНСИЯ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

[АРВЕНДЕЙЛ]

Арвендейл

Роман Злотников

Арвендейл

«Автор»

Злотников Р. В.

Арвендейл / Р. В. Злотников — «Автор», — (Арвендейл)

Если простой наемник, сирота, не знающий ни отца, ни матери, парень из захолустной деревни, решается принять участие в Большом императорском турнире наравне с лучшими воинами-аристократами – значит, у него на то есть веские основания. Значит, он готов выстоять и против меча, и против магии, способностями к которой обладают только дворяне. Однако простой наемник Трой не так уж и прост, пусть и сам не понимает этого. Достаточно сказать, что в его десятке служат и сражаются плечом к плечу – небывалое дело! – однорукий гном и немой эльф, чье происхождение не менее загадочно, чем прошлое и будущее самого Троя...

Содержание

Пролог	5
Часть I	14
Глава 1	14
Глава 2	21
Глава 3	28
Глава 4	35
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Роман Злотников

Арвендейл

Пролог

– Ха! Барон! Вот это да, клянусь бородой старого Гмалина! – Могучий гном с всклоченной бородой и налитыми кровью от возбуждения и непомерного количества выпитого эля глазами взревел и жажнул о стол массивным оловянным кубком. Хрупкое олово треснуло, и всех сидевших за столом обдало изрядной порцией доброго эля. Это, однако, не вызвало никакого возмущения. Напротив, компания отметила это происшествие взрывом громового хохота, заставившего большинство посетителей таверны болезненно поморщиться и угрюмо покоситься на гогочущих. Им-то это сборище совершенно не нравилось.

В этот вечер в таверне «Клыки и рога», как обычно, было довольно многолюдно. Большинство столов занято завсегдатаями. Таверна эта пользовалась немалой популярностью как у жителей окружающих домов, так и у приезжих. Конечно, ее интерьер не поражал роскошью, как в тех заведениях для дворян, которые последнее время стало модно называть иностранным словечком «отель», но тут всегда было чисто, служанки радовали глаз накрахмаленными передниками и чепцами (а также, естественно, своими формами), опять же, готовили здесь хорошо и всегда имели в достатке чем промочить горло посетителям. Ко всему прочему, здесь редко случались драки, потому что хозяин держал пару дюжих старательных вышибал.

Но сегодня большинство завсегдатаев пребывало в несколько сумеречном настроении. И все оттого, что стол в углу был оккупирован не слишком приятной компанией. Во-первых, это были чужаки. Во-вторых, это были слишком шумные чужаки. И, в-третьих, эта компания являла собой самое что ни на есть непотребное смешение рас: за общим столом собрались гном (ну кто из приличных людей станет общаться с этими вульгарными типами?), эльф (а от этих снобов вообще случается несварение желудка) и пять человек, каждый из которых заслуживал особого внимания. Первый, судя по всему, их предводитель, дюжий молодец в одежде наемника и с радаганским ножом вместо обычного кинжала у пояса, ничем не отличался бы от сотен и тысяч подобных... если бы не его молодость. На вид ему было не больше двадцати – двадцати пяти лет. Второй был... идшем, то есть принадлежал к народу, который наемники на дух не выносили, а потому оставалось только удивляться, как он оказался за одним столом с ними. Впрочем, из того, что одежда его не очень отличалась от той, что была на первом, внимательный человек заключил бы: идш тоже имеет какое-то отношение к наемникам. Третий одет был просто, по-крестьянски, да и бесхитростная его физиономия говорила о том, что этот увалень не очень давно покинул свою деревню. Еще двое по виду были обычными наемниками, и о том, что привело их в эту таверну, да еще в такой компании, можно было только гадать. Вообще-то, подобная публика очень редко... да практически никогда не появлялась здесь. «Клыки и рога» были для них слишком дорогим заведением. Наемники предпочитали тратить деньги где-нибудь на окраине, за городскими стенами, где на ту сумму, что здесь приходилось выложить за стакан благородного эсмесского вина, можно было получить полный кувшин простецкого пива и целое блюдо отличнейшей бараньей или свиной требухи.

Гном пару мгновений тупо смотрел на комок смятого олова, в который превратился в его руках кубок, а затем взревел, перекрывая стоявший в зале гам:

– Хозяин, это что за дерьмо! Я х-х-хочу выпить за барона Арвендейла, а ты мне подсовываешь всякую дрянь, которая ломается, чуть тронешь ее пальцем!

Двое вышибал, которые на всякий случай загодя подтянулись к шумному столику, держа наизготовку короткие дубинки из кротосского трубчатого дерева, залитые внутри свинцом и

обшитые снаружи толстой свиной кожей (обычное оружие вышибал Эл-Северина), услышав эту тираду, в нерешительности замерли. Гул голосов в зале таверны тоже слегка поутих, все с любопытством уставились на стол, за которым сидела разношерстная компания. Ну еще бы, всякому хотелось получше рассмотреть победителя Большого императорского турнира, отхватившего такой невиданный куш. Тем более что он был свой, из низов, простой наемник без роду, без племени, а, подишь ты, утер нос всяким там знатным, кичащимся древностью рода и чистотой крови.

– Хозяин! – Голос гнома вознесся до немыслимых высот, заставив задрезбездать изрядно опустевшие глиняные кувшины и бутылки, стоявшие на полке за барной стойкой. – Так мне дадут выпить или нет?!

– Не извольте беспокоиться, уважаемый гленд. – Хозяин, который еще за миг до этого, застыв изваянием за своей стойкой, с обеспокоенным видом ожидал, как его вышибалы справятся с подгулявшей компанией, вдруг, будто по волшебству, возник у стола и принялся деловито елозить тряпкой по посеченной ножами многочисленных посетителей столешнице. Его отношение к собравшейся за столом компании изменилось неузнаваемо.

– Все самое лучшее для барона Арвендейла! – Хозяин угодливо всколыхнулся всеми своими телесами и, нервно огрев висевшим на плече полотенцем двух служанок, с той же сновровкой нарисовавшихся около стола, принялся быстро разгружать принесенные ими подносы.

– Гы! – При виде того, что на них стояло и лежало, свирепая рожа гнома расплылась в довольной улыбке. – Вот так бы сразу. А то подсовываешь всякую дрянь.

– Не желает ли уважаемый гленд отведать настоящего бар-дамара?

– Бар-дамара? – Гном недоверчиво скривился. – Откуда *у тебя здесь* может быть бар-дамар?

Хозяин мелко затрясся, издавая какие-то странные, подвизгивающие звуки, означавшие, как до всех присутствующих дошло лишь спустя несколько мгновений, не что иное, как угодливое хихиканье.

– У меня свояк держит постоянный двор в Каррохаме, что в предгорьях Большого рудного хребта, и иногда ему удается переслать мне дюжину-другую кувшинов.

Гном нахмурился.

– А кувшины запечатаны?

– А как же, «волчьей лапой», – подобострастно закивал хозяин. Гном снова скривился.

– Представляю себе, что стало с добрым бар-дамаром, пока его доволокли от Каррохама до Эл-Северина... Ну да ладно, тащи! Что может быть лучше для бар-дамара, как очутиться в конце концов в желудке достойного гленда?

Хозяин тут же исчез. Гном орлиным взглядом окинул раскинувшуюся перед ним на столе картину и раззявил пасть в довольной ухмылке.

– Ну-у-у, вот это дело. А то, тоже мне, заказали пару обглоданных мослов...

Сдвинутое на дальний угол стола блюдо с остатками поросенка и горка рыбных костей на тарелке поменьше вперемешку с корками от карава в добрый локоть величиной слабо намекали на то, что и начало трапезы было не столь уж скудным, как он хотел представить. Но по сравнению с тем, чем стол был заставлен сейчас, оно и в самом деле выглядело более чем скромным.

– Я думаю, нам стоит начать с этих отличнейших копченых пулярок, – решительно заявил гном.

Сидевший во главе стола дюжий светловолосый парень хмыкнул.

– Начать? Да того, что *уже* упало в твое необъемное брюхо, хватило бы на роту королевских пикинеров.

Гном сдвинул брови.

– Так ты что, не будешь пулярок?

– Ну почему же...

– Так чего тогда зря сотрясать воздух! – Обрубив таким образом дальнейшие разговоры на эту тему, гном решительным движением ухватил за крылышко одну из соблазнительно пахнущих дымком тушек и отправил ее в свою пасть. Два движения челюстями – и тушка превратилась в грудку обглоданных костей, которые гном выплюнул на стоявшую перед ним тарелку и вновь возвысил голос:

– Эй, хозяин, я долго еще буду...

Но тут перед его носом на стол опустился знакомый черный кувшин с горлышком, залитым черным сургучом и запечатанным печатью, напоминавшей отпечаток «волчьей лапы». Гном расплылся в довольной улыбке.

– О-о-о, другое дело.

Пару мгновений полюбовавшись милой сердцу картиной, он выхватил из-за пояса привычный для всех гномов главер – широкий нож с прямым скошенным лезвием – и одним движением руки снес сургуч. Еще мгновение, и следом за сургучом с громким чпоканьем последовала обсидановая пробка. Гном шумно втянул, раздувая ноздри, поднявшийся над узким горлом кувшина сиреневый дымок и слегка нахмурился.

– Табаку сыпанули маловато... – он вновь принялся, – и черного व्यюна, пожалуй, тоже... а-а-а, чего еще можно ждать от бар-дамара, который подают в Эл-Северине... – Он решительным жестом опрокинул горлышко кувшина над медным кубком, принесенным хозяином таверны взамен расплющенного оловянного, затем вскинул кубок и взревел:

– Ну, за барона Арвендейла!

И его рев был тут же дружно подхвачен всеми, кто заполнял таверну «Клыки и рога»:

– За барона Арвендейла!

– Слава барону!!

– Слава победителю турнира!

Светловолосый парень, минуту назад высказавший свои сомнения по поводу возможностей гномьего брюха, слегка смутился и, привстав из-за стола, неуклюже поклонился орущему залу, что лишь добавило воодушевления. Ну еще бы, тут, совсем рядом, сидел герой, победитель, человек из низов, воплотивший в жизнь несбыточную мечту – вырваться наверх из грязи, стать одним из тех, кто кичливо взирал на них, простолюдинов, из окон своих особняков, с высоты балконов и седел.

– Слава, слава барону!

В этот момент за плечом светловолосого парня возникла фигура в плаще из видита, ткани слишком дорогой, чтобы ее мог купить каждый, но недостаточно дорогой для того, чтобы ею мог удовольствоваться дворянин. Фигура склонилась над ухом виновника торжества и что-то ему прошептала.

– Ну ты, чего ты там бормочешь? Говори так, чтобы было слышно всем, – прокричал гном. Фигура развернулась и, откинув полу плаща, которой прикрывала голову, явила достойному гленду испуганное веснушчатое лицо.

– Прошу простить, достойный гленд, но мой хозяин желал бы поговорить с господином бароном.

– Чего? – взревел гном. – Передай своему хозяину, кем бы он ни был, что сегодня вечером барон Арвендейл не покинет пределы этой таверны. Во всяком случае, на своих ногах!

– Но этого и не требуется, – еще более испуганно забормотал слуга. – Мой господин ждет его на балконе. – С этими словами слуга с поклоном указал на одинокую фигуру, сидевшую за одним из столиков балкона, нависавшего над большим залом таверны.

– Ладно, Гмалин, я, пожалуй, схожу, – добродушно махнул рукой новоиспеченный дворянин. Чувствовалось, что ему еще довольно непривычно ощущать себя человеком, который

сам может небрежным жестом подозвать к себе любого простолюдина, именно любого, даже зажиточного лавочника или богатого купца.

– Ну как знаешь, – буркнул гном, – только не слишком задерживайся, а то тут жратвы-то всего на один укус. Так что если ваше благородство припозднится, то ему достанется один шиш. Правда, Безухий?

Эльф, который за все время, что они трапезничали, не произнес ни слова, скупно улыбнулся и кивнул.

Поднявшись на балкон, Трой (а нашего героя звали именно так, по-простому, и он пока не думал изменять это имя на более благозвучное и приличествующее дворянину) подошел к указанному слугой столу и бесцеремонно уселся на лавку напротив пригласившего его человека, который занимал, хотя и довольно обшарпанное, резное кресло. И это явно указывало на его статус. Но Трой-то чего стесняться? Даже если это и какой-нибудь дворянин, то и он нынче тоже не хрен с горы... Тут человек приподнял голову, слегка сдвинул шляпу на затылок, и Троя схватил столбняк. Перед ним сидел герцог Эгмонтер – один из самых могущественных вельмож королевства и его последний соперник на турнире.

Герцог скривил губы в довольной усмешке, явно получая удовольствие от произведенного эффекта, и заговорил мягким, еле слышным голосом, столь характерным для любого дворянина (то, что произносится дворянином, настолько ценно само по себе, что усилия, приложенные для того, чтобы его услышать, одевают старающегося дополнительной благодатью).

– Не бойтесь, барон, я никоим образом не собираюсь наказывать вас за дерзость или оспаривать результаты турнира. Более того, победив меня в схватке на мечях, вы, сами того не подозревая, оказали мне... услугу. Поэтому вам совершенно нечего опасаться.

Герцог Эгмонтер умолк, словно ожидая вопроса от своего собеседника, но, так и не дождавшись, вынужден был задать его себе сам.

– Вы хотите спросить меня, что же это за услуга? О-о, это всего лишь то, что вы *избавили* меня от Арвендейла.

Трой продолжал молчать, но в этом молчании чувствовалась некоторая растерянность. Герцог удовлетворенно вздернул губу. Наконец Трой нерешительно протянул:

– Но-о-о почему?

Герцог Эгмонтер ленивым движением шевельнул двумя пальцами, и стоявший перед ним кубок, подпрыгнув над столом, скользнул ему в руку. Герцог сделал глоток, брезгливо поморщился и, выпустив кубок, вновь шевельнул пальцами.

– Ну что за кислятина...

На грязный пол упал уже не кубок, а толстая плешивая мышь. И все, кто исподтишка наблюдал за беседой молодого барона с таинственным незнакомцем, вдруг вспомнили о каких-то срочных делах, что ждали их в другом конце города. Нет, почти никто не ринулся к выходу, чтобы поскорее заняться ими, большинство осталось на своих местах. Но вот вместо того чтобы по-прежнему смотреть на странную фигуру, притом с немалым любопытством, все как один вдруг отвели глаза и уставились каждый в свою тарелку, стакан или просто в какую-нибудь выщербинку на столешнице. Иное дело гном с эльфом, которые и не подумали отвернуться, но при этом гном осторожным движением пододвинул к себе свой топор, а эльф потянул за тесьму, стягивавшую клапан саадака.

Герцог проводил взглядом мышь, которая шустро побежала к ведущей вниз лестнице, и вновь обратил свой взор на собеседника.

– Видите ли, барон, весь этот турнир был задуман с единственной целью. Это была ловушка, расставленная на одну-единственную дичь. И эта дичь – я. Но благодаря вам ловушка не захлопнулась.

Трой несколько мгновений напряженно раздумывал над его словами, затем осторожно спросил:

– Значит, в нее попал я?

Герцог вздернул губу.

– О, нет, мой юный друг, в вашем положении ничего не изменилось.

– Как это?

– Очень просто... – Тут герцог на мгновение задумался, потом резко откинулся на спинку кресла и упер в собеседника насмешливый взгляд. – Пожалуй, я верну долг и в ответ на вашу услугу окажу услугу вам. – Герцог Эгмонтер чуть растянул губы в гримасе, которая, очевидно, должна была означать благосклонную улыбку, но его потуги пропали втуне. Похоже, его лицевые мускулы были совершенно не приспособлены к подобным упражнениям. Впрочем, он не очень-то и старался.

– Эта услуга заключается в следующем: я расскажу вам, что такое Арвендейл... И, поскольку вы некоторое время будете принадлежать к дворянскому сословию, посвящу вас, пусть и в общих чертах, в хитросплетения интриг, каковые являются любимым и главным занятием любого дворянина. – Тут усмешка герцога стала воистину змеиной. – Вообще-то вряд ли это пригодится вам, но зато несколько развлечет меня.

Герцог поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее, и начал:

– Видите ли, мой юный друг, все дело в том, что наш благословенный император Эонтей Пятый стар. Очень стар. Естественно, ему, как и любому дворянину, боги отпустили гораздо более долгий век, чем простым смертным, а если учесть, что император – первый среди равных, то *намного* более долгий, чем и большинству дворян. И все же... все же он принадлежит к расе людей, а не бессмертных, так что и его годы ограничены. Более того, отпущенное ему время практически истекло. И потому очень скоро перед империей встанет вопрос: – кто наследует императору? – Тут герцог протянул руку над столом и, шевельнув пальцами, сотворил тонкий хрустальный бокал, наполненный рубиновой жидкостью. Взяв бокал, он сделал короткий глоток и пару мгновений смаковал выпитое во рту, затем так же, как и прежде, выпустил бокал из пальцев. Однако *этот* бокал не превратился в уродливую мышь или, скажем, таракана, а рассыпался легким облачком сверкающей пыли, от которой по всему залу потек сладковато-пикантный аромат. Посетители зашевелились, кто-то сдавленно прошептал: «Хазга»... – но этим все и ограничилось.

– Так вот, основная проблема состоит в том, что император не имеет наследников мужского пола. К сожалению, естественно... Да и вообще, император, да продлят боги его дни, обделен наследниками. Если не считать незаконнорожденных отпрысков, каковых у императора, как у любого дворянина, насчитывается несколько дюжин, да только они не имеют никаких прав, кроме права внеочередного зачисления в университет или военную академию по собственному выбору, да еще права время от времени облегчать императорскую казну на дюжину-другую золотых, поскольку появились на свет, когда наш славный император еще не был императором, то законными правами наследования обладают только две дочери императора – Тамея Кроткая и Грозная Лиддит. О нет, мой юный друг, Империя – вполне цивилизованное государство, и никто из подданных императора не претендует на то, чтобы лишить бедняжек положенного им наследства. Более того, им претит самая мысль о какой-либо дискриминации по половому признаку. Так что какая-то из дочерей императора непременно взойдет на трон и будет царствовать...

Герцог вновь растянул губы в усмешке, показывая собеседнику, насколько забавной кажется ему эта мысль.

– Но именно царствовать. *Править* будет мужчина.

Трой несколько мгновений переваривал сказанное. Пока что он не услышал ничего такого, что каким-то образом задевало бы его самого. Но разговор еще только начинался...

– Почему это?

В глазах герцога промелькнула скука, похоже, он уже жалел, что затеял этот разговор, впрочем, пока не настолько, чтобы прекратить его.

– Дело в том, мой юный друг, что император – это не только Первый пэр империи, Защита народа, Светоч веры и Первый дворянин. Император еще и Верховный маг империи.

Трой недоверчиво нахмурился.

– А как же Элиат Пантиопет?

– Не путайте, молодой человек, – снисходительно усмехнулся герцог, – у Элиата Пантиопета так называется *титул*, а император является верховным магом *фактически*, по праву *самого могучего* мага империи. Причем этот факт совершенно не зависит от того, насколько сильным магом является *лично* человек, ставший императором... то есть, конечно, немного зависит, но не слишком. Даже весьма посредственный маг, став императором, *автоматически* превращается в Верховного мага. Это происходит в процессе коронации. Именно поэтому, если бы вы изучали геральдику, вы могли бы заметить, что все наши смуты приходятся на времена междоусобицы. И продолжаются до тех пор, пока одному из претендентов не удастся короноваться. Сразу после этого смута прекращается и проигравший претендент спешно покидает границы империи. Ибо в этом случае ему просто становится нечего ловить... Да, все дворяне в той или иной мере владеют магией... – тут герцог запнулся, – вернее, почти все... это является основным отличительным признаком любого дворянина, потому что способность к магии неразрывно связана с чистотой крови. Но большинство из них владеют ею весьма слабо. Так, знают кое-какие простые заклятия, доступные деревенскому знахарю, либо что-нибудь родовое, тесно привязанное к крови рода... Некоторые из нас, к каковым вы можете отнести и вашего покорного слугу, преуспели в этом деле намного больше. Но любые, даже самые сильные маги перед императором – почти ничто. Более того, император настолько силен, что способен на равных тягаться не только с Темным святилищем орков или шаманами Скального зуба троллей, но и с самой Светлой владычицей эльфов.

– И что?

– Все дело в том, что стать истинным Верховным магом может только мужчина. Женщинам эта сила неподвластна. В те далекие времена, когда Древние Прародители разрабатывали этот ритуал, никому и в голову не могло прийти, что на троне может оказаться женщина.

Герцог замолчал. Трой некоторое время размышлял над его словами, глядя в стол, затем вновь уставился на собеседника. Тот несколько театрально вздохнул, словно устав от тупости своего визави.

– Так вот, молодой человек, всем известно, что я, герцог Эгмонтер, являюсь официальным женихом одной из принцесс, а именно – Грозной Лиддит; рука же и сердце второй принцессы пока еще официально свободны. Более того, при дворе ходили слухи, что бедняжка слаба здоровьем и потому собирается покинуть двор и уйти в монастырь Сестер заботы. Все дело в том, что еще год назад все это было если не полной правдой, то очень близко к этому. Однако, насколько мне удалось узнать, сейчас все изменилось. У принцессы появился жених. И этот жених не кто иной, как граф Лагар, первый министр императора. И это означает, что я становлюсь *препятствием*, которое надо устранить.

Трой снова задумался. Пока он ничего не понимал.

– А при чем здесь Арвендейл?

– Вот теперь, мой юный друг, мы и подошли к Арвендейлу. Что вы о нем знаете?

Трой пожал плечами.

– Ну... это майорат, дающий право на...

– На корону, мой юный друг, причем даже не на баронскую, а на герцогскую. – По губам герцога вновь зазмеилась усмешка. – Вернее, так было когда-то. Сейчас же все это лишь бутафория.

– Почему?

– Судите сами. – Герцог снова откинулся на спинку кресла и устремил глаза вверх. – Замок Арвендейл возник почти тысячу триста лет назад, сразу после Века Крови, на волне чувств, охвативших людей, гномов и эльфов после победы в Битве у Врат. Он должен был стать символом единства трех союзных рас, повергнувших страшного врага. Тогда еще были живы многие из Прародителей, поэтому Высокие и Могучие относились к людям не в пример более уважительно, чем сейчас. Сам замок был построен гномами, они же заложили рядом и свое поселение. А в паре лиг от его стен вознеслись стволы эльфийского леса, причем не простого леса, а *смеллор-элинир*, леса-крепости, форпоста Высоких. Это было удивительное время, время, когда люди, Могучие и Высокие жили вместе и имели одного властителя. И этот властитель был из рода людей. Пусть по большей части чисто формально, пусть всего на одном маленьком клочке земли... но это было. И продолжалось это почти триста лет подряд.

– А что потом?

– А потом на землю опустилась Черная тьма. И от герцогства Арвендейл не осталось даже следов. Дело в том, что Арвендейл оказался первым доменом на пути орд западных орков и именно на него они и обрушились в первую очередь. Возможно... они им и подавились. Ибо после того, как пал Арвендейл, силы западных орд были уже изрядно подорваны, ходили слухи, что, когда армии людей, гномов и эльфов, объединившихся в Эльфингальский союз, сошлись с ордами орков у южных отрогов Ящерного хребта, маны у колдунов орков хватило едва на десяток средненьких заклинаний. Так что судьбу битвы решили Свет и сталь. Однако, когда ороочи орды были уничтожены и союзники попытались углубиться в леса Арвендейла, их там встретило такое количество Тварей тьмы, что посланный экспедиционный корпус вернулся не солоно хлебавши. Чуть позже гномы попытались пройти в свое поселение по подземным тоннелям, но были вынуждены не только бежать оттуда сломя голову, но еще и завалить все ходы, ведущие к нему.

– Почему?

Герцог пожал плечами.

– Неизвестно. Сами Могучие молчат, а слухи ходят разные. Я даже слышал, что кто-то рассказывал о том, будто в Крадрекраме обнаружилось гнездовье раш, но это уж слишком...

– Крадрекрам?!

Герцог кивнул.

– Да, мой юный друг, город гномов в Арвендейле носил именно такое название.

– Но это же... Пещеры ужаса!

Герцог кивнул.

– Ну а как называли эльфийский лес, вы, наверное, уже догадались.

– Наверное, Эллосиил, Проклятый лес, – сумрачно пробурчал Трой.

– Вы абсолютно правы, – кивнул герцог. Над столом повисла тяжелая тишина. Спустя минуту Трой подавленно спросил:

– И что же мне теперь делать?

– Вам? Ничего. Я же вам объяснил, что эта ловушка была поставлена на меня. Если бы Я получил этот титул, то, дабы не потерять честь и не лишиться права требовать руки принцессы, я был бы *вынужден* отправиться в Арвендейл и, скорее всего, там бы и сгинул, пытаясь очистить герцогство от Тварей тьмы. Баронство, право требовать герцогскую корону я получил бы в том случае, если бы меня признали властителем Арвендейла не только император, но и Светлая владычица и Подгорный король. А вы... Я думаю, те, кто всучил вам столь сомнительный приз, даже не возьмут на себя труд через пять лет вынести вопрос об утверждении вас бароном на Палату пэров.

– Об утверждении?

– Ну да. Любой властитель, получив домен, возлагает на себя не только права, но и обязанности. И если он не справляется с доменом, Палата обязана отобрать у него домен и пере-

дать его более достойному владельцу. Клянусь честью, со мной бы так и было. Меня бы обвинили в неспособности управлять доменом и отобрали бы не только Арвендейл, но и мой старый домен, передав его... – Тут герцог сообразил, что слишком разоткровенничался, и оборвал себя. – Но с вами они вряд ли будут возиться. Скорее всего, они даже дадут вам возможность носить титул барона Арвендейла еще лет пятнадцать – двадцать, до вашей не столь уж далекой кончины, а затем вообще забудут об этом инциденте. Ибо Арвендейл – всего лишь прах, прах прошлого.

Трой вновь задумался, потом с подозрением спросил:

– Если все так, то почему вы так рвались получить Арвендейл?

Герцог Эгмонтер снисходительно покачал головой.

– Все дело в том, мой юный друг, что мне *совершенно* не нужен Арвендейл.

– Ну да, я едва...

Герцог удрученно вздохнул: о боги, этот деревенский увалень просто совершеннейший тупица.

– Дело в том, что я дрался не за Арвендейл. Перед турниром мне сообщили якобы совершенно достоверную информацию, будто в качестве приза на турнире император выставит домен Леконсур. И это было очень похоже на правду. Графы Леконсур – мои соседи, и я знал, что семью Леконсур последние сорок лет преследуют несчастья. У старого графа один за другим умерло четверо сыновей, да и сам граф ненадолго их пережил. А зять, муж его младшей дочери, оказался столь слабым владельцем, что Палата пэров лишила его домена. Так что к нынешней весне Леконсур оказался совершенно свободен, и я был одним из тех, кто претендовал на сюзеренитет над ним перед Палатой пэров. Причем мои шансы получить Леконсур были довольно высоки. А поскольку графу Лагару совсем не светило своими руками сделать меня еще богаче и могущественнее, он постарался, чтобы идея о выставлении Леконсура в качестве приза на императорском турнире была *очень* похожа на правду. Тем более что о своем участии в турнире заявили и все мои конкуренты. Как видите, если бы не ваш... не слишком достойный удар, я вполне мог бы попасться в эту хитрую ловушку.

Трой упрямо набычил голову.

– Я выиграл честно!

Герцог вскинул ладонь.

– Не будем об этом, мой юный друг, я же сказал, что расцениваю это как услугу... – лицо герцога приобрело несколько скучающее выражение, – долг за которую, как мне кажется, я вам уже вернул. За сим я с вами прощаюсь. Думаю, нам с вами вряд ли еще когда доведется встретиться, поэтому... вот, возьмите, возможно, это когда-нибудь, когда у вас снова случатся временные затруднения, поможет вам протянуть дюжину-другую дней. – С этими словами герцог протянул новоиспеченному барону массивный перстень с крупным сапфиром и, когда голова его молодого собеседника склонилась над подарком, легким движением ладони сотворил какой-то знак прямо над его макушкой. Меж пальцев герцога вырвалась тоненькая струйка дыма и крошечной змейкой втянулась в взъерошенную шевелюру Троя, но тот ничего не заметил. Герцог довольно усмехнулся и встал. Да, этот дюжий простолюдин оказал ему немалую услугу, избавив его от Арвендейла, только вот очень ошибается, решив, что может так просто обрести дворянское достоинство. Право именоваться дворянином имеет только тот, у кого безупречно чистая кровь. Когда герцог Эгмонтер станет императором, очень многим, забывшим это непреложное правило, придется жестоко пожалеть о своей забывчивости. А пока... в том, что этот простолюдин получил, хотя бы формально, право именовать себя дворянином, была доля вины и его самого, герцога Эгмонтера, поэтому он должен был как можно быстрее исправить свою ошибку. И пусть это вполне мог сделать и Арвендейл (а в том, что этот упрямый простолюдин обязательно рванет посмотреть на свой злосчастный домен, герцог почти не сомневался, достаточно было вспомнить взгляд этого типа, сверкавший сквозь забрало шлема

во время схватки на турнире), но герцог привык ничего не пускать на самотек. У Арвендейла есть полгода, чтобы прикончить эту ошибку природы, а если он не справится за этот срок... что ж, тогда это сделает заклятье герцога.

С этими приятными мыслями герцог покинул таверну.

Часть I

Детство Троя

Глава 1

Окраина мира

– Староста Амир! Староста Амир!

Здоровенный косматый мужик в застиранной длиннополой домотканой рубаше и коротких портах, слышав тонкий детский голосок, остановился и, подняв косу, стал неторопливо вытирать ее пучком свежескошенной травы.

– Староста Амир! – вновь закричал пацаненок, подбегая к остановившемуся косарю. – Меня послал дядька Губал. Там это, пришлые... двое, один ну дюже здоровый, а второй худой и лицом черен. И с дитей. Совсем грудная. Говорят, хотят в общине жить.

– Мгум, – задумчиво хрюкнул мужик. – Двое, говоришь?

– Ага! – закивал пацаненок.

– С дитей?

Пацаненок снова кивнул. Староста вытер косу, оперся на нее и некоторое время стоял так, напряженно размышляя над полученной информацией. Результатом столь серьезных мыслительных усилий было резюме:

– Тады... пойду посмотрю.

С этими словами староста вскинул косу на плечо и размеренным шагом двинулся по свежескошенному лугу в сторону деревни.

Деревня Сухой Дол возникла не очень давно. Однажды летним вечером на опушке леса, под огромными корабельными соснами показался караван из двух десятков крытых возов, запряженных парой могучих быков каждый. Парусина на крышах возов уже немного выцвела, но все еще была относительно целой, почти без штопки и заплат. Это означало, что караван в дороге не так долго – несколько недель, может, пару месяцев. Впереди и по обоим бокам каравана ехали верхами с десятков всадников в легких кольчужных доспехах и крепких, но простых шишаках. Всадники были вооружены в основном копьями, у троих-четверых виднелись подвешенные к поясу мечи, а у двоих к седлам были приторочены саадаки с луками. Всадник, ехавший впереди, остановил коня, вскинул ладонь к бровям, заслоняясь ею от заходящего солнца, и окинул взглядом открывшуюся картину. Лес перед ним немного отступал, охватывая подковой небольшой холм, поросший кустарником, один склон которого, тот, что покруче и пообрывистей, сбегал к небольшой речушке, как раз в этом месте устроившей себе некоторую вольготность и слегка раздвинувшей берега, отчего образовался заметный бочажок. На другом берегу лесная чаща тоже начиналась несколько поодаль, уступив кусок берега небольшому лугу, поросшему буйными зарослями вереска. От всей этой картины веяло таким покоем и уютом, что суровые черты всадника невольно разгладились, а губы сами собой сложились в некое подобие улыбки, каковой на его лице, судя по строению его лицевых мускулов, отродясь не бывало. Всадник повернулся лицом к каравану и, взмахнув рукой, гулко крикнул:

– Сто-о-ой!

Ехавший в паре шагов за ним крепкий мужик натянул поводья и в свою очередь завертел головой, оценивая раскинувшийся перед ним вид.

– Значит, здесь и остановимся, десятник?

Первый мужик, продолжая смотреть на лес и реку, пожевал губами, потом почесал бороду и, крикнув, степенно ответил:

– Мгум... кто его знает. Посмотрим. Надобно ночь переспать да день посмотреть, а там решим. И... это, я тебе не десятник, а староста. Понятно?

– Так я че... я ж ниче, староста так староста, – кивнул мужик. – Не по привычке ишшо.

– Ладноть, – степенно кивнул староста. – Слазь, пошли скотину распрягать. Умаялась за день-то. Чья очередь ноне в пастухи?

– Мертула, – с готовностью доложил мужик. – Я-то третьего дня скотину пас, а Край вчерась. Так что Мертулова сегодня очередь. Точно.

– Вот пусть и займется, – резюмировал староста...

Спустя два месяца, к первым осенним дождям, на расчищенном от кустарника холме уже вознесся к небу крепкий деревянный частокол со сторожевой вышкой, а за ним сверкали свежей сосновой дранкой крыши трех длинных общинных изб. Места здесь были глухие, до ближайшего жилья двадцать дней пути, да и то жилье не слишком отличалось от этого. Такая же деревня поселенцев, только поставленная лет на десять раньше. К тому же там обосновались ветераны из Второго Сагитского конного легиона, в котором служили по большей части южные варвары (и какие темные боги занесли этих детей степи в эти северные лесные края?), а здесь собрались бывшие солдаты Шестого Ал-Тенорского латного. А латники всегда свысока поглядывали на легкую кавалерию. Так что, дабы не уронить честь тяжелой пехоты, следовало постараться справиться со всеми грядущими проблемами самостоятельно. Потому первым поставили частокол, а уж потом занялись жильем. Кроме того, до холодов надо было как следует запастись сеном. Иначе скотину не сохранить. Им-то самим на эту зиму продуктов – муки, ячменя и лука – было в достатке, к тому же чего-нибудь добудут охотой. Хороших стрелков среди бывших латников почитай что не было, но силков на складе императорской пенсионно-поселенческой канцелярии в Палангее, последнем более-менее крупном городе этой провинции империи, где стоял последний гарнизон имперских войск и где как раз и сформировался их караван, они набрали вдоволь.

На первые морозы сыграли первую свадьбу. Вернее, свадеб было сразу семь. Солдату некогда обзаводиться семьей, да и достаток у солдата – вещь крайне редкая. Хотя иной раз и появляется в солдатском кошельке серебро, а то и золото, но по древнему солдатскому поверью ничего откладывать на будущую мирную жизнь никак не допускается. Как только начнешь копить, монеты в кубышку складывать – так тебе и конец. Поэтому все, что в солдатском кошельке заводится, довольно быстро переключивается в жадные руки трактирщика либо в кошелюк содержателя беспутного дома. Так что, ежели выпадает солдату до седины дожить и голову не сложить, идти ему, почитай, и некуда – гол как сокол, и ни кола ни двора нетути. В родную деревню возвращаться? А кто его там ждет? Отцовский дом уже за братом або зятем записан, невеста давно уж замужем, да и детей с десятков. Так что дорог раз, два, да и обчелся – либо вышибалой в какой кабак, либо гнить под забором. Впрочем, есть еще одна дорога – в поселенцы. Ежели сбить ватагу из двух-трех десятков ветеранов да подать прошение в пенсионно-поселенческую канцелярию, то вполне можно и семью создать, и жизнь свою худо-бедно обеспечить. Канцелярия жировать не дает, но и не особо скупится. Каждый поселенец получает три топора, две сохи, три косы, гвоздей с полпуда, дюжину подков, бараний тулуп, отрез полотна да иной рухляди с пуд. А еще с ватажниками посылают сирот молодых, что в императорских и монастырских сиротоприимных домах выросли.

Для сирот это шанс, да еще какой. Куда сироте податься? Ни приданого, ни сродственников – никого. В служанки? Так в хороших домах таких не особо жалуют, а куда в таверну, так хозяину над сироткой полная власть и раздолье. Тешся – не хочу да постояльцам подкладывай – и знай себе деньгу собирай. Нет, бывает, и те, которые при маме-папе выросли, таким делом промышляют, но это больше по своему беспутному естеству и обоюдному желанию. А сиротке никакого выбора. Давай, девка, за материну распутную жизнь расплачивайся. Так что в городе сиротке одна дорога – в гулящие девки. А тут сразу тебе – и муж, и хозяйство свое. Хоть выбор

невелик, а все одно какой-никакой, а есть. Пока караван место под новую деревню ищет да на выбранном месте обустраивается, у сирот с ветеранами все постепенно и слаживается. И хоть часто мужу в семье уже под пятьдесят годков, а невесте, бывает, и семнадцати нет, а все одно естество свое берет. К первой весне обязательно и первые роды случаются, а там уж каждый год по дитенку. Разве ж можно бабу от того, чтобы рожать, отвратить: как первый раз попробовала – так потом и остановиться не может. Такая вот у них бабья природа. И хотя потом молодухам, бывает, лет двадцать вдовью долю тянуть, но, однако ж, не в одиночестве – при семье, при детях, при внуках. А там, глядишь, и деревня разрослась, правнуки собрались да на выселки ушли. Вот тебе и еще деревня рядышком. Да что там говорить, та же Палангея когда-то тоже вот такой ветеранской деревней была, а сейчас, эвон, город, девять тыщ народу живет, императорский прокуратор управляет, столица, почитай, всего восточного предела графства Умбир. Вот только из всех поселенческих деревень на десятый год лишь каждая третья и остается... Потому как идут поселенцы в места дальние, необжитые. И помощи им ждать неоткуда. Что мор, что сушь, что враг, что зверье, что Темные – супротив всего в одиночку биться приходится. И не всегда старая воинская выучка выручает. Так что часто бывает, что по осени стоял на холме частокол, да из-под крыш крепких домов весело бежали в небо струйки дыма, а по весне на том месте одни головешки...

До деревни староста добрался уже к полудню. Лес теперь начинался, почитай, за лигу от деревни. Деревья частью пошли на дома и частокол, частью на дрова, а те, которые ни на то, ни на другое не сильногодились – просто повыжгли, освобождая место под поля. На лугу, что за рекой, было общинное пастбище. А на косьбу мужики ходили к Лыске, песчаной горе в шести лигах к северу от деревни. Там местность была поболотистей, потому даже в самые сухие годы трава там родилась на славу. Единственно, место было не особо спокойное. Тут вообще места дикие, зверье непуганое, медведи баб с малинников гоняют, волки на человека как на добычу смотрят, да и темные твари порой забредают. Вот, скажем, прошлым летом Хрудим снарядился к Вересковой пади отбившуюся телку искать да и пропал. Лишь седмицу спустя мужики его тело совсем в другой стороне обнаружили – у Темного озера. А оттуда до Вересковой пади почитай десять лиг по прямой, а ежели лесом, так и все пятнадцать. Да и то, что отыскалось, Хрудимом уже и назвать-то нельзя было. Хрудим был мужиком справным, в теле, бабе своей две двойни заделал, да еще парня и девку по одному; бывало, в первую зиму, когда все в трех избах ютились, как начнет свою сиротку за занавеской наяривать, так такой треск стоит – кажется, сейчас лавка развалится. А то, что осталось, Мертул обратно в деревню под мышкой принес. И даже не вспотел. Не покойник, а так, мумие одно – кожа до кости. И какая тварь его так оприходовать могла – ясное дело, без Темного не обошлось... Потому мужики на косьбу только ватагой и ходили. Соберутся человек по восемь, шишаки да копыя захватят – и вперед. А к полудню уже и обратно собираться пора. Не стоит по нынешним лесам в одиночку шастать, ой не стоит. Ну, да днем-то еще ладно, вон и пацаненок добежал, а чуть сумерки на землю лягут – и в деревне покою нету, ворота на запор и сторожевого на вышку...

Войдя в ворота, староста не сразу двинулся к общинному ряду, а, прислонив косу к частоколу, вскарабкался на площадку сторожевой вышки. Днем там мальцы сидят. Вот и сейчас Хрудимов старшенький дежурит. А ничего пацаненок, глазастенький. Старосту издаля углядел. Ну да это их с мужиками выучка. Они мальцов с раннего детства к воинскому мастерству приучают. Пока потихоньку, что смогут – сторожевую службу там нести, кашеварить на ватагу, а Мертул уже и к луку кого потолковей приучать начал. Хоть и сам не сильно мастак, а как учить – знает. Недаром у него в кумовьях десятник ходил из Телемарского легкого. Пока они в гарнизоне стояли, тот вечно у него пропадал. Да и не зазря. У телемарца вдовушка была, небольшую таверну на окраине держала. Телемарец совсем уж остепениться хотел, жениться. Вот им с кумом там завсегда эля наливали от души и самого лучшего. Только недолго. Сгинул телемарец. В сшибке у Каменного моста. Тогда на телемарцев с тылу с полсотни троллей нале-

тело, а у троллей шкура толстая, ее одной стрелой не возьмешь. Разве только эльфийской. Так что, пока лучники их положили, их самих, почитай, две дюжины полегло. У лучников доспех какой? Да считай и никакого. Тролля каменная дубина ростовой пехотный щит враз сминает, а тут кожаные куртки с нашитыми на них оловянными бляхами и все. Так что так и не пришлось телемарцу вдовушку осчастливить. А Мертул намек богов тоже осознал – не ищи, солдат, спокойного счастья. Как та вдовушка к нему ни подкатывала, он – наотрез. Может, потому и живой до сих пор...

Пришлые действительно выглядели подозрительно. Во-первых, их было всего двое. Восемь лет назад, когда они только пробивались сюда караваном, их дважды хорошо зажимали: один раз у Одинокой горы (хотя какая там гора, название одно, пригорок, поросший лесом, однако темных тварей там водилось в достатке); тогда отбились огнем и серебром. Староста тогда, почитай, весь кошель серебра извел, какой им на обустрой в канцелярии выдали. Дюже горевал потом, что, считай, совсем без защиты остались, потому как против темных тварей серебро – первое дело. А затем у Сумрачного урочища. Ну да там волчья стая, хотя какой там волки – с доброго теленка ростом. Чистые варги! Но сталь их вполне нормально брала. Тогда волки еще сиротку Климму уволокли. Дюже ладная девка была. Сказать по правде, староста сам на нее заглядывался. А что – все при ней, и рукастая, и за пазухой есть че пощупать, и косы до пояса... ну да ладно, дело прошлое.

Вот только как эти-то через все напасти вдвоем прошли? Да еще пешими. Да еще с козой. На кой она им?.. Впрочем, про козу – тут все понятно. Коль при них дите без мамки, так его чем-то кормить надо, а по такому раскладу козье молоко – первое дело. Да только козье бляенье, считай, на три лиги округ слышно. Стоит ей забляеть, тут же столько охотников на свежее мясо набегит – костей не соберешь. С другой стороны, коза вроде смирная, стоит, травку щиплет... Тот, что поздоровше, был одет в кожаные сапоги, окованные железом, такие же кожаные штаны с нашитыми на переднюю часть дополнительными дублеными пластинами и куртку, правое плечо которой сильно лоснилось, как будто ее хозяин таскал на плече какую-то тяжесть вроде двуручной секиры или большого двуручного меча. А что, такому мордовороту как раз по росту. Вот только ничего такого рядом с ним старшина не разглядел.

На поясе здорового висел обычный меч, разве с чуть побогаче изукрашенной рукоятью и крестовиной, чем были у них, да еще нож в крепких кожаных ножнах. Интересно, куда он девал свою оглоблю-то? С другой стороны, может, бросил – с ней-то по лесам особо не натакаешься. А чевой-то у него из мешка торчит? Неужто молот кузнечный? Да-а, кузнец бы им очень пригодился... сейчас за кузнеца сам староста, ну да какой из него кузнец... так, лезвие поправить. Что один лицом черен, так это ничего, староста знал, что есть на свете земля, где сплошь вот такие чернолицы живут. Да и сам таких видел. У графа Илмера пятеро таких в телохранителях состояли...

Этот тоже был в коже, но немного лучшей выделки. И у него из оружия имелись два легких изогнутых меча, которые, как слышал старшина, называются *кунаки*. Они были привязаны за спиной крест-накрест, так, что рукояти мечей торчали над плечами. Страшное оружие. Бойцов, что умеют с ними обращаться, так и зовут – многорукие. В той самой схватке у Каменного моста, где закончил земной путь кум Мертула, оркам удалось прорваться к самому стягу графа Илмера, где они схлестнулись с его личной сотней. А в той сотне у графа служило десятков многоруких... Самой схватки староста не видел, но на то, что осталось от орков, глянуть удалось. Жуть... будто мясорубка прошла. А все ж очень подозрительно, как это они вдвоем да пешком сюда добрались... Ну да ладно, все одно, просто посмотрев, ничего не решишь. Тут поговорить надо.

Спустившись с вышки, староста огладил бороду и степенно двинулся в сторону общинного ряда. Оба пришлых заметили его раньше Губала, но виду не подали. Дождались, пока Губал наконец-то углядел подходившего старосту (у Губала последнее время с глазами совсем

плохо стало, да и вообще хворал он дюже, потому с мужиками на косьбу и не пошел) и обрадованно заорал:

– Вот и староста наш, Амир.

Пришлые повернулись и чинно поклонились старосте.

– Здравствуйте, староста Амир! Да pošлют боги вам здравия и благоденствия.

– И вам здравствовать, гости дорожные, – степенно ответил староста. – Как вас звать-величать?

Тот, что пониже, указал на своего спутника.

– Его – Тристан-Молот, а меня Ругир-Ящерица.

Староста хмыкнул. Мужик и вправду чем-то напоминал ящерицу – гибкий, настороженный, вроде ящерицы-змеевки. Да и у того мордоворота кличка соответственная, вон ручищи-то какие. Небось дите прям в ладони нес... Кстати, где дите-то? А, ладно, небось бабы забрали понянькаться, подмыть да накормить. Их, баб, хлебом не корми, а дай чужого ребятенка на руках понянькать. И ведь что интересно, своим, бывалоча, и подзатыльник отвесить могут, а чужому ни-ни.

– Значицца, из наемников будете? – Староста покачал головой. Солдаты наемников не жаловали. Ну как это можно – свою башку за деньги под меч да стрелу подставлять. Ладно, ежели уж доля такая выпала, а по своей воле...

– Да, староста.

А что тут скажешь. По кличкам все и видно, да по рукам с мозолями на тех местах, где рукоять меча или топора ладони трет. А у черного еще и на пальцах. Видать, и с луком управляться умеет. Опять же такой человек в общине не помеха. Да и жить есть где. У Хрудимовой вдовы в хате места вдосталь, да и Губал, кажись, долго не протянет. Он среди них самый старший, ему первому и в землю ложиться. Так что еще одна хата без мужика остается. А бабы у Хрудима и Губала вполне справные, в самом соку. Вот только как они мимо Одинокой горы прошли? Там только одна дорога – никак не минешь...

– Издалека идете?

– Издалека, староста, – вновь ответил черный.

– А откуда?

Чернолицый растянул губы в улыбке, обнажив ослепительно белые зубы.

– Ой, достойнейший, и сам бы там не гостевал, и тебе не советую...

– А ты почему знаешь, что я там не гостевал? Ты скажи, а я уж сам покумекаю.

Тот, что назвался Ругиром, вздохнул:

– Из плену мы бежим, из Каменных ям.

– Эх ты, – охнул Губал. Да и староста про себя тоже языком цокнул. Ли-ихо. Губал ошарашенно затынул:

– Так это ж...

– Вот то-то. – Ругир невесело хмыкнул. – Не с востока мы пришли, а оттуда, – и он махнул рукой на север. – Если честно, не думали мы здесь на поселение наткнуться. А тут вот такая удача...

Староста задумался. Дело оказалось о-чень непростым.

– Мгум... Значит, у нас осесть хотите?

– Да хотелось бы... давно людского лица не видели.

– А что дальше не пойдете?

Чернолицый горько усмехнулся.

– Да идти некуда. Весь отряд наш положили. Все рядышком легли. Только мы с Тристаном и выжили... ну, еще капитан... только его они сразу на кол и в очаг... Но капитан им отомстил – у него ладанка была с потайным зельем, так он, как они его потрошить принялись, его за щеку спрятал, а пока жарился – она и рассосалась. Вся кодла и траванулась. Мы потому

и утечь смогли, что они капитаном отравились, а то бы... – Он махнул рукой. Староста одобрительно кивнул. Он и сам о таком слышал, да только вот никого, кто своими глазами все это видел, встречать не доводилось.

– Значит, давно утекли?

– Ну да.

– А ну как вы за собой Черную охоту притащили?

Ругир пожал плечами.

– Да это вряд ли. Она бы нас уже давно настигла, чай, второй год идем. Мы потому на юг и двинулись, хотя на восток чуть не в три раза короче, чтобы охоту со следу сбить. Да и все равно это. Ежели не сбили, то охота на твою деревню все одно наткнется... – И он умолк. Да и что тут говорить, и так все ясно.

– А чего все время ты говоришь-то? Или у твоего дружбана языка нет?

Ругир кивнул.

– Точно. Как орки нас посекали, так сразу всем языки и повывали. И живым и мертвым. Мой вот только не тронули, я для них в диковинку оказался, решили погодить да поспрашивать.

Староста понимающе кивнул в ответ. У орков да троллей человеческий язык – первый деликатес. Как увидят – аж трясутся. Иногда эти твари через это свое пристрастие даже вляпаться могут. Во время Картолернского похода их полк сильно зажали на Совином перевале. И отбились они, считай, лишь потому, что, когда их к скалам прижали, почитай, половина орды бросила битву и принялась у мертвых языки вырывать и хавать их прямо на месте. Потому полк и смог удержаться, пока панцирники не пробились.

– А зачем ходили-то?

– Тут, староста, извиняй, не знаю, да и знал бы, не сказал. Тайна нанимателя.

Староста кивнул. Его подобный отказ не огорчил, а скорее даже порадовал. Значит, правильные мужики, слово держать умеют.

– Ремеслу какому обучены?

Ругир повеселел.

– А то как же! Тристан – кузнец хоть куда, я – гончарить умею, да и с луком накоротке, обузой не будем.

Староста снова кивнул и перешел к главному вопросу.

– А дитенка где взяли?

Ругир снова помрачнел.

– Так мы не одни ушли, а с бабой. Из благородных, но кто и откуда – знать не знаем. У ей тоже язык вырван был. Мы и не знали, что она на сносях. Первые месяцы куда как споро бежала, а потом... короче, сродить-то она его сродила, а сама... – И он грустно махнул рукой.

– А коза откуда?

– Так я ж говорю, она из благородных. Как поняла, что преставится скоро, так и наворожила откуда-то. Мы попервости опасались, что блеять будет, ан нет – тихая.

Староста опять кивнул.

– А сколько дитю-то?

– Так, почитай, почти четыре месяца. Славный такой парнишечка. Тихий. Уж не знаю, может, она и ему чего наворожила, но у нас с ним никаких хлопот. Спит да ест, ест да спит.

Староста привычно кивнул еще раз.

– А назвали-то как?

Ругир как-то странно поежился.

– Да его мамка назвала, вот. – И он протянул лоскуток какой-то тонкой материи, который, несмотря на все трудности путешествия, выглядел так, будто его только что отхватил от рулона нож торговца. На ней чем-то бурым было выцарапано какое-то слово. Староста владел

грамотой очень слабо, однако достаточно для того, чтобы понять, что слово написано не на языке людей.

– Это имя, что ль?

– Ну вроде как... Только мы не знаем, как оно звучит. Она ж немая была.

– И что, теперь мальцу без имени жить? – насупился староста.

– Да нет... мы его Троем назвали. Как нашего капитана.

Староста снова понимающе кивнул. Они помолчали, затем староста спросил:

– И как там было-то?

Чернолицый хмыкнул.

– Если честно, староста, сами не знаем, как добрались. Такого навидались... – Он замолчал, выжидательно глядя на старосту.

Староста глубокомысленно наморщил лоб.

– Мгум... ну что ж, оставайтесь покамест. Вечером соберем сход, там и обсудим.

На том и порешили.

Глава 2

Детство

– Трой, эй, Трой, ты где?

Звонкий девичий голос далеко разносился под сенью огромных сосен.

– Трой, немедленно отзовись, негодный мальчишка!

Однако ответом на этот сердитый окрик вновь была тишина.

– Трой, я немедленно иду к дяде Тристану!

Это уже было серьезно. Дядя Тристан запрещал ему убегать далеко от других детей и уж тем более прятаться от них. Хотя наказания за подобную шалость, скорее всего, удалось бы избежать (дядя Тристан и дядя Ругир считали, что парня должна учить сама жизнь, и потому очень редко наказывали его хоть сколь-нибудь серьезно), но дядя Тристан мог не дать ему сегодня после обеда постучать большим молотом по раскаленной заготовке. А вот от этого Трой не желал отказываться ни под каким видом. Поэтому густые кусты, разросшиеся у подножия небольшого бугра, на вершине которого раскинула свои ветви вековая сосна, зашевелились, и спустя мгновение наружу высунулась взлохмаченная детская голова. Она принадлежала мальчишке лет семи от роду, который, судя по ситуации, а также озорному выражению лукавой мордочки, был изрядным проказником. Быстро крутанувшись в одну и в другую сторону, голова качнулась вперед, вытягивая за собой из зарослей довольно широкие для возраста ее обладателя плечи, торс и бедра. Последними на свет божий появились исцарапанные босые ноги. Мальчишка воровато оглянулся и, шустро взобравшись по крутому осыпающемуся склону, порскнул куда-то в сторону.

– Ну все, Трой, я уже пошла! – На этот раз девичий голос звучал не в пример более сердито.

– Ну чего ты так кричишь, Селия, еще темных тварей накличешь. Я грибы собирал. Вот видишь, набрал полный туес.

Девочка развернулась на голос. Трой стоял прямо за ее спиной, а у его ног стоял берестяной туес с откинутой крышкой, полный крепких рыжунов с влажной, блестящей шляпкой. Девочка несколько мгновений ошарашенно разглядывала полный туес, потом сердито топнула ногой.

– Опять!

– Что опять? – Мальчишка сделал невинное лицо.

– Я тебе сколько раз говорила: не подкрадывайся ко мне.

Мальчишка фыркнул.

– Что ж мне, специально орать да кусты ломать!

– Нет, просто ходи нормально. Как все.

– Я-то как раз нормально хожу, это вы все ломитесь по лесу, прям как медвежья свадьба, – пробурчал мальчик, но тут же примиряюще улыбнулся: – Да ладно тебе... Я вижу, ты почти ничего не собрала. Хочешь, возьми мои.

Девочка сердито поджала губы, но соблазн был велик, и она, немного поколебавшись, спросила уже с некоторой робостью в голосе:

– А ты?

– А-а... – Трой беззаботно махнул рукой. – Пока мы до деревни дойдем, я себе еще туес наберу. – Его рожица хитро сморщилась: – Только, чур, дяде Тристану не жаловаться.

Девочка высокомерно вздернула голову, но грибы, заполнявшие туес этого несносного мальчишки, были так хороши – ровненькие, свежие, совсем необъеденные, – что она тряхнула косой и проворчала:

– Ладно, но только чтобы это было в последний раз.

– Ага, – закивал мальчуган, но оба отлично понимали, что это всего лишь пустое обещание. Трой рос слишком большим шалуном и слишком хорошо чувствовал себя в лесу, чтобы бродить по нему вместе со всеми. С другой стороны, она знала, что он *действительно* наберет полный туес по пути в деревню, хотя они будут возвращаться тем же путем, по которому уже прошла ватага из двух десятков детей, с тем или иным успехом сумевших заполнить свои собственные туеса. Трой был самым лучшим грибником в деревне. Грибы, казалось, сами прыгали ему в туес, а то просто вылезали из земли и бежали ему наперерез...

Перед самой деревней Трой и Селия нагнали остальных детей. Стамар, сын старосты и брат Селии, крепкий паренек лет одиннадцати, мельком покосился на сестру и уткнул хмурый взгляд в Троя.

– Опять убег?

– Нет, – вступилась за него Селия, – он грибы собирал. Вот, полный туес.

Тут из толпы детей послышался противный визгливый голос:

– Да знаем мы, как он грибы собирает. Небось ворожит, как его мать-ведьма. Вот они сами ему в туес и лезут.

– Чего-о-о? – Трой резко развернулся в сторону говорящего.

– А того! – Из толпы детей вальяжно выдвинулся Андин, Губалов первенец. Ему было уже почти двенадцать, и он возвышался над Троем чуть не на две головы. А потому чувствовал себя вполне спокойно. Отец его сильно болел, последние три года уже вообще не вставал с постели, но все никак не помирал, и всем было известно, что его молодая мать частенько бегала в кузню по своим хозяйским надобностям и задерживалась там, бывало, гора-а-аздо дольше, чем эти надобности требовали. А еще кумушки в деревне шептались, что Губалов младшенький – ну просто копия кузнеца Тристана. Из-за этого ли, либо из-за чего другого, но Андин за последний год изрядно посмурнел и на его лице привычным стало мрачное и даже слегка злобное выражение. А кроме того, он никогда не упускал момента кого-нибудь обругать, поддеть, высмеять, как будто опасался, что поддеть или высмеять готовы его самого, и торопился сделать это первым.

– Мне отец рассказывал. Ведьма она у тебя была, ведьма. Это всем известно. И козу вашу заколдовала.

– Ах ты...

Никто не успел опомниться, как Трой подскочил к Андину и с размаху заехал ему в нос крепким кулаком. Андин на мгновение опешил, а затем взревел и бросился на Троя...

Когда мальчишек растащили, на обоих было изрядно следов бескомпромиссной схватки. У Троя была разбита губа, порвана рубашка и быстро наливался цветом здоровенный синяк под глазом, а Андин зажимал расквашенный нос и время от времени сплевывал кровь изо рта, что делать ему было теперь довольно легко, поскольку в его верхней челюсти образовалась заметная прореха. Кроме того, левое ухо Губалова первенца все заметнее увеличивалось в размерах.

– Ну вот что, – хмуро произнес Стамар, – нечего тут потасовки устраивать. Отец все время твердит, что люди должны вместе держаться, и без того всякого зла вокруг полно, чтобы еще ссорами между людьми его радовать. Понятно?

Трой, о лицо которого сейчас можно было обжечься, с ненавистью посмотрел на Андина и зло сплюнул. А тот уже и сам был не рад своей затее. Он-то считал, что мелкий кузнецов выкорышит побоится лезть на старшего и более крупного соперника, поэтому можно будет вдоволь поиздеваться над сиротой, но у того внезапно оказались довольно крепкие кулаки. Да и к тому же пацан вроде как совсем боли не чувствовал. Андин хорошенько приложил его под глаз, его младший братишка, которому тоже частенько перепало, правда, тайком от матери, от такого удара вообще с копыт слетал, а этот только всхрапнул и так звезданул ему по зубам, что выбил левый верхний клык.

– Еще раз спрашиваю, понятно?

– А пусть заткнет свой вонючий рот, – пробурчал Трой. Андин только досадливо поморщился. Стамар смерил Троя взглядом, затем посмотрел на Андина и тоже поморщился.

– Ладно, пошли. Все одно к тете Никелии идти – примочки ставить.

До кузни Трой добрался через полчаса. Тристан был занят. Из кузни раздавались частые удары молота и пыhalo жаром. Зато прямо у входа, привалившись к стене, сидел дядя Ругир. Заметив Троя, он насмешливо выпятил губу и покачал головой.

– Это кто тебя так?

– А-а, – отмахнулся мальчик. – А пусть не лезет.

Ругир рассмеялся:

– Во-от оно как... пусть не лезет, и ты ему подставляться не будешь?

– Да я ему... – Мальчик чуть не задохнулся от негодования. – Да я ему зуб выбил, и ухо у него теперь цветом со сливу, и из носа юшка течет.

Ругир понимающе кивнул.

– Ну что ж, похоже, по очкам ты его побил, но, прямо скажем, победой это можно назвать с большой натяжкой. Из-за чего хоть дрался-то?

Трой рассказал. Ругир некоторое время сидел, о чем-то размышляя и покусывая соломинку, потом задумчиво произнес:

– Знаешь, а ведь он, пожалуй, прав.

– Как это? – опешил Трой.

Ругир усмехнулся.

– Вижу, пришло время рассказать тебе о том, как ты появился на свет божий...

Когда Ругир закончил рассказ, Трой еще некоторое время сидел, напряженно размышляя над тем, что услышал, потом тихонько спросил:

– А кто они такие, благородные?

Ругир пожал плечами.

– По мне, так обычные люди. Ну, магией владеют, золота у них поболее, чем у других, и... кичливости немерено. А так... – И он несколько пренебрежительно махнул рукой.

– А если я из благородных, значит, тоже должен... уметь эту самую магию?

– А может, ты и умеешь, – усмехнулся Ругир. – Тут есть, правда, одна загвоздка. Для того чтобы владеть магией, нужны две вещи: природный талант и хорошая школа. Если нет чего-то одного, то другое бесполезно. Так что талант, может быть, у тебя и есть, а вот школа... учить-то тебя здесь некому.

Трой понимающе кивнул.

– А где найти эту школу?

– У-у, и не пытайся. – Ругир махнул рукой.

– Почему это?

– Потому что поступить в эту школу может только «отпрыск благородных кровей», – последние три слова он произнес несколько шутовски.

– Ну так ведь я же... – начал Трой.

– А как это подтвердить? У тебя есть родовой замок, влиятельный отец, благородная мать, родовой список с указанием всех твоих предков за пятнадцать колен, наконец?

Трой погрузился.

– А это все надо?

– А как же! А то припрется какой-нибудь простолюдин со способностями к магии и выдаст себя за благородного. Это они только говорят, что такие способности – привилегия чистой крови. Где ее теперь возьмешь-то, чистую? Может, раньше, во времена Прародителей, оно так и было, а теперь бывает и так, что деревенский знахарь знает и умеет больше, чем иной дворянин.

– А знахарь... где этому учиться?

– Ну, знахарство – это магия не больно сложная. Считается, что она доступна и простолюдинам. Есть пара школ при храмах... да только многому тебя там не научат. Так... кровь останавливать, зуб больной заговаривать, ну и еще кое-что по мелочи. А ежели способностей нет, так и вообще ничему. Есть еще идши, но те учат только своих по крови. Причем у них кровь передается через мать. Вот ежели бы у тебя мать была из идшей...

– А кто такие эти идши?

Ругир скривился.

– Сволочной народ. За деньгу – удавятся! Крестьянствовать не любят, из ремесла – только портняжное да башмачное. А по большей части – торгаши и ростовщики. Денег у них – немелко. Говорят, сами императоры у них порой занимали. Если, скажем, за войну поиздержались... Селятся, в основном, в больших городах, в своем квартале, и посторонним туда особого доступа нет. Так что... – Ругир развел руками. Мальчик некоторое время молчал, потом грустно сказал, словно самому себе:

– Значит, мне этому никогда не научиться...

Ругир пристально взглянул на него.

– А зачем этому учиться? Ты думаешь, магия – это всякие чудеса, о которых вам Суржина зимними вечерами рассказывала? Нет, парень, это все в прошлом. Как оказалось, род людей совсем не приспособлен к магии. Может, в давние времена, когда жили Прародители, в которых, как гласят легенды, сами боги вдохнули искру жизни, среди людей и встречались могучие маги, а теперь... – Ругир махнул рукой. – У нас вон в отряде со всеми болячками шли к бабке-травнице, а не к магу-лекарю. – Он немного помолчал, о чем-то задумавшись, потом повернулся к Трою и, обхватив его голову ладонями, принялся внимательно рассматривать синяк.

– А вот насчет учебы, тут ты прав. Пора начинать тебя учить.

– Ковать? – обрадовался Трой. – Вот здорово! – Верхом его мечтаний было овладеть кузнечным искусством. А о чем еще, скажите, мог мечтать мальчишка, живущий при кузне.

– И ковать тоже, – усмехнулся Ругир.

Назавтра он поднял Троя еще до рассвета.

Когда мальчишка выбрался из-под вороха старых тряпок, служивших ему одновременно и матрасом, и простыней, и одеялом, и подушкой, то обнаружил, что Ругир одет в какую-то непонятную одежду. Во-первых, она была сшита из совершенно неизвестной и никогда им не виданной материи, а во-вторых, по покрою очень сильно отличалась от того, что носили в деревне. Трой потер кулаками глаза и громко восхитился:

– Вау! Дядя Ругир, а что это на вас за порты и рубаха?

Ругир рассмеялся.

– Ну ты и сказал, парень, – порты... рубаха... слышал бы тебя грозный сейд Саббах!

– Какой Саббах? – не понял Трой.

– Неважно, – все так же смеясь, махнул рукой Ругир. – Запомни, эта одежда называется *хирхах*, ее шьют из кожи, снятой со спины *иблиса*, и носить ее имеет право только *аль-харай*, воин, осененный благодатью битвы. Понятно?

Трой глубокомысленно кивнул, почесал ухо и спросил:

– А кто такой этот *иблиса*?

– Не иблиса, а иблис, – поправил Ругир. – Это могучий Темный песчаных пустынь. Его сила равна силе сотни самых сильных воинов, а свирепостью он превосходит тигра-альбиноса, считающегося ужасом песков. Его когти могут в мгновение ока разорвать на мелкие кусочки самого большого *соргала*, шкура у которого такая толстая, что его можно жечь факелом, а соргал ничего не почувствует.

Трой вновь почесал ухо и спросил:

– И как тогда его убивают?

Ругир с серьезной миной нахмурил брови:

– О-о, это великий подвиг, на который способны только настоящие аль-харай... – Тут он не выдержал и рассмеялся: – А, впрочем, не знаю. Никогда не видел живого иблиса. Ладно, вставай, соня, пора заниматься.

Трой торопливо вскочил и, подбежав к двери, высунул нос на улицу:

– Но, дядя Ругир, дядя Тристан еще даже не затопил горн!

– Верно, – кивнул Ругир. – Но *сейчас* мы начнем не с ковки. Так что умойся и пошли.

Восход солнца застал их на поляне, недалеко от той сосны, под корнями которой Трой вчера так славно провел время, пока остальные дети, пыхтя, старательно ползали по лесу в поисках грибов. Ругир осмотрелся и удовлетворенно кивнул:

– Отличное место. Здесь и начнем...

К первому снегу у Троя уже совсем перестали болеть кисти рук, он свободно делал по пять приседаний на каждой ноге, два раза отжимался на правой и один раз (правда, с трудом) на левой руке. А еще он мог держать палку в вытянутой левой руке от рассвета и «до тех пор, пока солнце не коснется вершины вон той сосны», полчаса висеть на ветке вниз головой и еще многое другое. Теперь в его пальцах постоянно вертелась пара вырезанных дядькой Мертулом дубовых шариков, которые он усердно жал и перекачивал, а на ступнях и запястьях болталось по свитому из железных прутков и обмотанному кожей (чтоб не терли) тяжелому браслету.

Мужики, которые поначалу одобрительно отнеслись к занятиям Ругира (Трой был известным озорником, и все надеялись, что после Ругировой «потехи» тому будет не до озорства), со временем начали хмуриться и неодобрительно коситься на Ругира. Уж больно чернотлицый наседавал на мальчонку. Но особенно Троя жалели женщины...

За два дня до праздника зимнего солнцеворота староста позвал к себе Ругира и, усадив его за стол, по обыкновению слегка прихрюкивая, завел разговор:

– Я это... мгум, чего думаю... зазря ты мальчонку такому учишь. Не дело это. Ну, мечом там махать или с луком управляться, это оно, конечно, понятно... места здесь беспокойные, сам помнишь, позапрошлой зимой... ну, потом частокол подправлять пришлось. Ну да это ладно... – Тут староста потерял нить разговора и замолчал.

Ругир выслушал старосту, молча протянул руку, взял кружку с угощением, отхлебнул ядреного самодельного эля, задумчиво причмокнул и поставил ее на стол.

– Зазря, говоришь?

– Ну, – облегченно кивнул староста, – это все ваши наемнические штучки, а нам здесь ничего такого не надобно. У нас деревня мирная, воюем токмо с Темными, а им все эти штучки да по веткам карабканья без разницы. Они только железа да серебра боятся.

– Понимаешь, староста, дело-то в чем, – задумчиво начал Ругир. – Ежели парнишка так здесь в деревне до седых волос и просидит, то оно конечно... тут ты прав. Да только сдается мне, у мальчонки другая судьба...

Староста нахмурился.

– Ты тут это... ребятам голову-то не мути. И так вся наша ребятня стонет, на ваши с парнем занятия гляючи.

Ругир усмехнулся.

– За это не бойся. И сам я никуда отсюда уходить не собираюсь, и парней на такое дело подбивать не буду. И вообще, как ты думаешь, староста, почему я за все эти годы никому и ничего не рассказывал о своей прошлой жизни. Ты же не думаешь, что мне нечего рассказать?

Староста нахмурился.

– Мгум... ну...

– Именно потому, что в рассказах это всегда выглядит намного привлекательнее, чем на самом деле. А уж мне-то есть о чем рассказать. Ты, наверное, слышал об отряде наемников,

который во время Картолернского похода захватил мост Вознесения и держался почти трое суток? Я был в этом отряде. А о Большой охоте на Темных графа Илмера? Я в ней участвовал. О-о, мальчишки слушали бы меня развесив уши. А я чувствовал бы себя самым крутым парнем в нашей деревне. – Ругир мечтательно закатил глаза, потом резко открыл и упер в старосту тяжелый взгляд. – Правда, лишь до того самого момента, пока кто-нибудь из мальчишек, а может быть, двое, трое, пятеро... не сбежали бы из деревни в большой мир, навстречу подвигам и славе, а потом мы отыскиали бы их изуродованные тела в паре дней пути отсюда у Одинокой горы или Сумрачного урочища... Поэтому я молчу.

Староста кивнул.

– Мгум, вот я и говорю...

– Только... – не дал ему закончить Ругир, – одних можно уберечь от этого, а других нет. Потому что это *судьба*. И, сдается мне, эта самая судьба, пусть и не слишком скоро, но уведет от нас Троя. И единственное, что мы можем сделать, это получше подготовить его к тому, с чем он повстречается далеко за околицей деревни. Поэтому прости, староста, но давай решим так: я по-прежнему буду молчать, а ты не будешь мешать мне заниматься с Троем...

К весне Трой уже мог десять раз подтянуться на ветке, свободно доставал пяткой подбородок и отжимался на каждой руке по четыре раза. Однако Ругир был недоволен.

– Слишком уж быстро ты растешь. Боюсь, не получится из тебя настоящего аль-харай.

– Почему это? – обиделся Трой. Но Ругир только молча покачал головой.

После сева Ругир отпросился у старосты и, прихватив Троя на пару с Тристаном, ушел к дальним болотам. Там были срублены зимники – земляные избушки, в которых мужики и старшие дети жили с начала уборки урожая и, почитай, до самого Хлойна – дня, когда окончательно пробуждается темная нежить и темные твари вступают в самую силу. Трой кроме своей доли припасов, обливаясь потом, волок еще грубо сделанный меч из сырого железа и тяжеленное лезвие топора длиной с его локоть, которые выковал сам под руководством Тристана. Впрочем, инициатором сего мероприятия все равно был Ругир. В очередной раз окинув Троя критическим взглядом, он тяжело вздохнул и глубокомысленно произнес:

– Да-а, учить тебя работе кунаками – только время терять, все равно не освоишь.

– Это почему это? – оскорбился Трой.

– Здоров больно. Уже сейчас. А как чуть подрастешь – вообще кабаном станешь. А в технике кунаков главное не сила, а скорость. А такой груды мышц, какой ты станешь, нужной скорости никогда не добиться. – Тут Ругир улыбнулся. – Но ты не обижайся. Вот, скажем, Тристану кунаки никогда не осилить, но, если б мне надо было решить, с кем встать спина к спине против толпы орков, я бы не колеблясь выбрал Тристана. Ты бы видел, как он работает двуручником... – Ругир мечтательно закатил глаза.

– И чего? – настороженно переспросил мальчишка.

– А того, – передразнил его Ругир. – Тебе тоже, пожалуй, не стоит увлекаться оружием, которое требует скорости и точности. А вот силовое – твое. Так что давай-ка... Ты хотел обучиться ковке, вот сам себе и скуешь тренировочный двуручник и двуручный топор.

– Вау! – восторженно возопил Трой и тут же бросился в кузню с криком: – Дядя Тристан, дядя Тристан, я буду ковать себе меч! Настоящий!

На болотах они провели почти полтора месяца. Кроме занятий с двуручным оружием, которые по большей части вел Тристан, Ругир продолжал гонять Троя по всем остальным дисциплинам, которыми тот занимался раньше. Кроме того, он вбил колья в болотное дно и, нарочно отобрав самые кривые и суковатые палки, перекинул их от кола к колу и принялся гонять Троя по ним, будто белку. Впрочем, эту науку в то лето Трой так и не осилил. Лучшим результатом для него стало прохождение устроенного Ругиром эквилибристического аттракциона всего с пятью падениями в вонючую и грязную болотную жижу.

Ну а по вечерам Ругир с Тристаном устраивали спарринги на кулачках. Деревенская жизнь их изрядно расслабила, и Ругир по себе замечал, как сильно он сдал. Да и Тристан тоже сначала был несколько неуклюж. Впрочем, ему было легче, кузнечная работа напрягает как раз те группы мышц, что нужны для двуручного оружия, так что ему нужно было лишь вновь привыкнуть к балансу и вспомнить некоторые приемы. А вот Ругиру пришлось попотеть.

В деревню они вернулись к сенокосу. Староста ничего не сказал по поводу их столь долгого отсутствия, но по его взгляду было видно, что он сильно недоволен.

К осени Ругир решил, что Трой уже созрел до легких спаррингов с оружием. Первый же бой закончился тем, что взмыленный и запыхавшийся Трой проводил тоскливым взглядом выбитый из его руки меч и шмякнулся на землю, получив напоследок плашмя мечом по заднице. А поскольку к этому времени сам Трой уже твердо решил для себя, что он самый лучший боец всех времен и народов (ну еще бы, дядя Ругир все время говорит, что Трой – редкий молодец и у него все получается), то его едва не прошибла слеза. Вечером, когда Трой немного успокоился и перестал дуться, Ругир подозвал его к себе и, усмехнувшись, спросил:

– Ну как, сильно расстроен?

– И чего вы меня все учили, если я до сих пор ничего не умею! – зло пробурчал Трой.

– Ну почему же, кое-что умеешь. Но к главному мы пока еще не приступали.

– А чего не приступали-то! – сердито бросил мальчишка. – Чего время тянуть?

– Пойми, все, чем мы занимались с тобой до этого, всего лишь общая подготовка. Прежде чем работать над техникой боя, нужно было хотя бы немного укрепить мышцы, связки, поднять координацию, отработать дыхание. Без этого нельзя.

Трой пару минут раздумывал над его словами, потом, уже спокойнее, спросил:

– Дядя Ругир, а сколько мне надо заниматься, чтобы научиться... ну, хорошо... ну, с мечом там, с топором...

Ругир поморщился.

– Да-а-а, парень, пожалуй, стоит заняться с тобой еще и риторикой. Хотя в этом я учитель, считай, никакой, но... – И он глубоко задумался. Трой пару минут постоял, ожидая, пока Ругир обратит-таки на него внимание, не дождавшись, дернул его за рукав.

– Дядя Ругир, я же спросил!

– Чего?

– Ну, сколько мне еще заниматься, чтобы как вы... или дядя Тристан.

Ругир улыбнулся, потрепал мальчишку по вихрастой голове и спокойно ответил:

– Всю жизнь.

Глава 3

Кровь Марелборо

– Аклх... – Наверное, человек, привязанный к пыточному щиту (если *это* еще можно было назвать человеком), попытался в очередной раз просипеть проклятие, но на этот раз у него ничего не вышло. Его легкие уже были заполнены кровью, и поэтому вместо слов раздался только хрип и бульканье. Палач наклонился над телом и пару мгновений придиричливо всматривался в искаженное мукой лицо. Да нет, не притворяется, все верно. Он повернулся к хозяину, по своему обыкновению на время допроса уютно устроившемуся в своем массивном деревянном кресле, установленном в дальнем углу пыточной, и молча поклонился. Герцог Эгмонтер неторопливо поднялся из кресла и, сделав два лениво-изящных шага, в свою очередь склонился над телом, распятым на пыточном щите. Распятый отходил. Впрочем, это было понятно. Если бы в пыточной присутствовал кто-то посторонний, обладающий к тому же достаточно крепкими нервами и привычкой к пыткам (ибо, чтобы выдержать даже лишь шестичасовое созерцание подобных пыток, одних лишь крепких нервов было бы явно недостаточно), то он был бы изрядно поражен тем, как долго это продолжается. Впрочем, однажды так и случилось. Правда, не в этот раз. Полтора года назад барон Грондиг был удостоен чести присутствовать при пытках главарей банды разбойников, которые на протяжении нескольких месяцев изрядно беспокоили земли герцога и барона. Главарей было двое – мужчина и женщина. Он был ремесленником, горшечником из Буавилля, а она – мельничихой из Дальних холмов. Оч-чень романтическая история... могла бы быть... если бы ему не перевалило за пятьдесят и он не был бы одноногим горбуном и бывшим солдатом, а она – сорокалетней бабической весом под десяток пудов и матерью семерых детей. Причины, по каким они подались в разбойники, тоже были далеки от романтических и даже от сколь-нибудь разумных.

У нее стая оборотней сожрала всю семью, включая шестерых внуков, и эта дура не нашла ничего лучшего, как обвинить в этом барона Грондига. Дескать, крестьяне подали челобитную еще за семь недель до того, как оборотни напали на Дальние холмы и устроили пиршество. Ну, естественно, барону было не до того, чтобы просматривать всякие там писульки от черни. К тому же иногда оборотни посылают в так называемый «поход за мясом и силой» свой молодежь, и обычно дело ограничивается лишь разорением пары-тройки домов да умерщвлением двух-трех десятков крестьянских душ. Совсем не повод поднимать солдат и гнать их в какую-то глушь. Все равно эта чернь плодится как кролики. А знаете, сколько стоит *подготовленный* солдат? Да три десятка крестьян не окупят расходы на возмещение потерь и за пять лет! Ну а горшечник просто вел «неправильные» речи. Дескать, в столице нет таких ограничений на торговлишку и житье, как с него требуют. За это и поплатился. На примере этого самого горшечника герцог еще раз убедился, что милосердие – вещь крайне вредная, проблем после нее только становится еще больше, и зарекся когда-либо впредь его проявлять. Стража бургомистра всего-то и сделала, что разнесла горбуну лавку да побила все его горшки. И дурака, считай, почти не покалечили – только сломали два пальца на левой руке.

То есть мог бы взяться за ум и спокойно доживать свой век под милостивой дланью герцога Эгмонтера. Так нет же – собрал в котомку свой скарб и ушел в леса. И потом почти четыре месяца тревожил Королевский тракт налетами. Да так, что герцогу и барону пришлось *лично*, отложив в сторону другие дела, озаботиться поимкой смутьянов. Барон к тому моменту успел потерять десяток солдат, так что, как ни крути, его стремление к экономии ни к чему не привело. Если бы сразу отправил солдат на поиски стаи – вероятно, потери были бы такими же, а может, даже и меньше. Все ж таки оборотни ограничились только мельницей и еще парой крестьянских домов, так что это, скорее всего, был-таки поход молодежь, и полурота солдат справилась бы с ними без всяких проблем, а так... Ну вот, когда палач герцога закончил, барон

не преминул выразить герцогу свое восхищение талантом этого самого палача и признался: он ожидал, что пытаемые отдадут богам душу часа на полтора-два раньше, чем это произошло на самом деле...

– Хорошо, Хлыст, только в конце ты сработал грязно. Рот пытаемого должен до самого последнего мига быть готовым извергнуть слова, а он у тебя захлебнулся собственной кровью. Если еще раз такое случится, будешь наказан.

Палач подобострастно закивал головой и скорчил виноватую мину: мол, все понимаю, исправлюсь, впредь никогда... но герцог не обратил на его ужимки никакого внимания. Он просто развернулся на каблуках и вышел из пыточной. Отдавать какие-то особенные распоряжения Хлысту необходимости не было. Он был достаточно вышколен и сам знал, что делать, поэтому герцог не сомневался: несмотря на то, что пока у него нет никаких планов относительно новых допросов, к полуночи весь пыточный инструмент будет вычищен, пыточный щит и полы начисто вымыты, очаг убран и заполнен свежим углем. Пыточная – это такое помещение, которое всегда должно быть в полной готовности. Мало ли как повернутся дела?

Герцог поднялся по крутой винтовой лестнице и, пройдя узким кривым коридорчиком, толкнул маленькую дверцу и вошел в свой кабинет. Попасть в ту часть подземелий замка, где располагались пыточная, сокровищница и еще несколько частных помещений, можно было только из этого коридорчика, в который выходили потайные двери из кабинета, личных покоев герцога и библиотеки. Кабинет был ярко освещен лучами заходящего солнца, пробивавшегося сквозь высокое стрельчатое окно, забранное свинцовой решеткой с вставленными в переплеты кусочками дорогого стекла. Герцог окинул кабинет цепким взглядом (хотя, казалось бы, чего опасаться в самом сердце собственного замка), удовлетворенно вздернул левый уголок рта и, обойдя большой стол, уселся в массивное кресло с высокой спинкой. Герцог Эгмонтер любил подобные кресла, они очень напоминали трон...

Итак, стоило еще раз хорошенько обдумать, что ему сегодня стало известно нового по тому делу, которое вот уже пять с лишним лет занимало герцога более всего. Этот упрямец, несколько минут назад скончавшийся на пыточном щите, очевидно, умер с мыслью, что он *ничего* не сказал герцогу. Святая наивность! На пыточном щите *невозможно* ничего не сказать. Даже если пытаемый всего лишь орет и матерится, он все равно не может не выдать хоть каких-нибудь сведений внимательному и умелому взгляду и уху. Если допрашивающий достаточно опытен, он сумеет выудить информацию из случайных оговорок, проклятий, того, при каком вопросе пытаемый скажет «не знаю», при каком – «не скажу», а при каком просто стиснет зубы. Вот и этот упрямый монах тоже предоставил герцогу обильную пищу для размышлений. Правда, для этого еще нужен умелый и вышколенный палач. Вышколенный в соответствии с ясно поставленными целями и задачами. Тот же барон Грондиг восхитился искусством герцогского палача, но ему и в голову не пришло, что палач сумел постигнуть это искусство лишь благодаря твердой и умелой направляющей руке герцога. И потому палач самого барона *никогда* не сможет достичь подобных вершин, ибо сам барон слишком нетерпелив... и находит удовольствие в чужой боли. А герцог не находил в боли никакого удовольствия, боль была всего лишь средством, чтобы добиться поставленной цели. И, видят боги, если бы этой цели легче и проще можно было достигнуть иным способом, он бы непременно это сделал. Но, к сожалению, такого способа нет.

Если ты хочешь получить информацию либо заставить человека сделать что-то, но не уверен в его желании это делать, или хотя бы готовности, то нет ничего лучше боли. Боль – лучший способ управления людьми. Боль и страх... И тот, кто, будучи облачен властью и правом суверена, в силу каких-то убеждений отказывается или не смеет пользоваться столь сильными вождями, взнуздывающими чернь и направляющими ее в нужную сторону, всего лишь трус и тряпка. Облеченный властью *не имеет права* выказывать слабость и отказываться от бремени ответственности. В этом герцог был твердо убежден. Правда, иногда встречаются

особо упрямые или тупые особи, на которых боль оказывает не столь сильное воздействие, как на остальных, вроде сегодняшнего монаха. Что ж, в этом случае стоит признать свою ошибку и выбросить ее из головы, ведь никто, кроме богов, не может предвидеть будущее, а то, что боль действует на ту или иную особь не так, как на остальных, невозможно установить, пока не попробуешь. Тем более что какую-никакую информацию вырвать у них все равно удастся, и герцог сильно сомневался, что иные методы с *такими* упрямыми были бы сколь-нибудь более эффективны. К тому же столь упорные особи попадались чрезвычайно редко. Разве что один на сотню. Герцог еще не набрал достаточного статистического материала, чтобы утверждать это с необходимой точностью.

В этот момент кольцо, надетое на мизинец левой руки герцога, на мгновение уменьшилось, чувствительно сжав палец. Это означало, что кто-то пересек тонкую магическую паутинку, натянутую над последней ступенькой лестницы, ведущей в его личные покои. Нет, пока пересечение этой паутины ничем не грозило посетителю, более того, тот, скорее всего, даже не заметил, что прошел сквозь заклинание, но именно *пока*. Если бы у герцога были основания предполагать, что доступ к его кабинету могут получить некие враждебные ему люди или иные существа, достаточно было сделать всего лишь несколько движений пальцами, чтобы паутинка превратилась в этакий спусковой рычаг арбалета. Другое заклинание, присоединенное к этому простенькому, могло бы вмиг испепелить дерзкого, рискнувшего проникнуть в святая святых замка, а если бы их было несколько, то досталось бы всем. Впрочем, у герцога на этот случай было готово несколько заклинаний, например трехминутный *крохот*. Противостоять на узкой винтовой лестнице этой твари с четырьмя пастями, заполненными десятками острых саблевидных зубов, треть из которых несла в себе яд, было почти невозможно. Из-за узости коридора, ведущего в личные покои, развернуться она не могла, а трехминутный срок ее существования служил гарантией того, что тварь, если слишком уж быстро расправится с нападавшими, не ринется по лестнице вниз, в общедоступную (ну, это только так называлось) часть замка и не наделает там бед, потому что ей все равно, кого рвать в клочья.

В дверь тихо постучали. Герцог чуть сдвинул брови, и дверь плавно отворилась. Посетитель вошел в кабинет и, изящным движением сняв шляпу с головы, низко склонился перед герцогом. Герцог благосклонно кивнул.

– Рад тебя видеть, Беневьер. Есть ли новости?

– Да, мой лорд.

Тот, кого называли Беневьером, выпрямился, с легкой улыбкой перехватил шляпу под мышку, снял с шеи шнурок с ярко-алым камнем и протянул герцогу. Герцог подставил ладонь, и камень лег в нее, будто кусочек драгоценных *брар-хухур*, легендарных Слез гор, за каждую каплю которых, по преданию, гномы тому, кто принесет их к подножию Подгорного трона, готовы были отвалить золота десятикратно их весу. Впрочем, это были только легенды. Вот уже несколько сотен лет никто не видел воочию никаких *брар-хухур*. Да и для герцога этот камень был сейчас гораздо важнее любого *брар-хухур*.

– Как все прошло?

Улыбка Беневьера превратилась в презрительную усмешку.

– Ничего сложного. Сначала графу с дружиной пришлось отъехать в восточный предел, вечером того же дня его младший сынок вдрызг проигрался в карты, а затем в городском дворце появился некий дворянин, любитель древностей, и предложил за этот бесполезный кусок цветного булыжника, бесполезно валяющийся в ларце его папаши, сумму, немного превышающую ту, которую он проиграл. Я, знаю, мой лорд, вы не любите *лишних* мертвецов...

Герцог вновь благосклонно склонил голову.

– Хорошо, Беневьер. Надеюсь, ты был не в своем облике?

Беневьер осклабился.

– Как вы могли такое подумать, мой лорд? Со мной в таверне квартировал один мелкий дворянчик с Умбирских окраин. Этаким простецкий тип с замашками крестьянина. Так вот он и ходил в дом к графу. И той же ночью уехал.

– Его не найдут?

– Нет, мой лорд. – Ухмылка Беневьера стала еще шире. – Той же ночью его растерзали *каррхамы*. Всего в трех лигах от города. И беспокойство графа, из-за которого он днем раньше умчался из дома вместе с дружиной, получило еще одно подтверждение. Так что все чисто.

Герцог продолжал молча смотреть на Беневьера, ожидая продолжения. Тот усмехнулся и пожал плечами.

– Я тут почти ни при чем, мой лорд. Только заклинание Желания пути и простенький амулет запаха. Я повесил его на тот же шнурок, на котором висело *это*, – Беневьер кивнул на камень, лежащий на ладони герцога, – так что, когда граф отыскал его тело, он был совершенно уверен, что *это* унесли каррхамы. Или сожрали. Он даже попробовал идти по их следу, собираясь разгрести все кучи их помета, которые встретятся на пути. – Беневьер раскатисто захохотал. Герцог тоже усмехнулся. Граф Илмер, Первый меч империи, Опора трона роется в каррхамьем помете... да-а, эта картина заслуживала того, чтобы ее увидеть.

– Ну что ж, я удовлетворен. – С этими словами герцог сомкнул пальцы на принесенном камне и одновременно резко выпрямил левую руку в сторону посетителя, будто посылая в него какое-то заклинание. Стороннему наблюдателю могло показаться, что кошель появился из ниоткуда, просто материализовавшись в воздухе, но сторонних здесь не было. Беневьер, для которого этот жест не был новостью, ловко подхватил летевший в него кошель и вновь склонился в низком поклоне.

– Благодарю вас, мой лорд.

– Можешь отдохнуть три-четыре дня.

– Благодарю вас, мой лорд, – повторил Беневьер и с поклоном попятился к двери, за которой и исчез, оставив герцога наедине с его мыслями. Оказавшись за дверью, он торопливо развязал кошелёк и заглянул внутрь. Что ж, неплохо, тем более что все это лишь ему одному и всего на три-четыре дня. Для выполнения своих поручений герцог выделял деньги отдельно...

Когда за Беневьером затворилась дверь кабинета, герцог не торопясь поднялся и, подойдя к большой картине, нажал на толстую виньетку чуть левее центра нижней планки массивной рамы, обрамлявшей картину. Картина вздрогнула и подернулась сиреновой дымкой. Герцог растянул губы в довольной усмешке и, протянув левую руку, погрузил кисть в дымку. Едва кольцо, надетое на левый мизинец, коснулось дымки, как она раздалась в стороны, открыв уходящую в глубь картины причудливую воронку, вихрящиеся стенки которой переливались изумрудным цветом. Внутри воронки, мягко подсвеченные ее струями, покоились несколько вещей, представить которые вместе вряд ли смог бы даже изощренный поклонник перформанса, настолько они не подходили друг другу. Герцог выбрал чем-то напоминавшую изящный подсвечник высокую подставку, украшенную баснословной стоимости алмазами, изумрудами, рубинами, два черных оплывших свечных огарка, небольшой флакон, заполненный какой-то темной, почти черной жидкостью, маленький кусочек донельзя вытертой и засаленной шкуры какого-то зверя, на котором почти не осталось ворса, грубый нож с иззубренным лезвием, украшенный пусть и более грубо, но ничуть не менее богато, чем подставка, и желтую обгрызенную кость со следами чьих зубов.

Вытащив все это из воронки правой рукой, герцог осторожно сдвинул назад левую руку. Как только кольцо на мизинце отделилось от ставшего расплывчато-дымчатым рисунка, сиреневая дымка исчезла. Герцог удовлетворенно кивнул. Все сработало безупречно. Столь надежного сейфа не было ни у одного другого человека или существа в этом мире. Сейфы или сокровищницы остальных представляли собой всего лишь неуклюжие и громоздкие ларцы, изготовленные из железа или, в лучшем случае, из гномьего сплава. Конечно, на них навешивали

вали десятки охранных заклятий, частенько не зная меры. По тавернам ходили анекдоты о том, как барон Крам спьяну перепутал одно из многочисленных отключающих заклинаний и получил по мозгам огненным вихрем. С тех пор на его круглой и совершенно лысой голове нет ни одного волоска, даже бровей. А виконту Лумьену повезло еще меньше: из-за его ошибки громоздкий железный сундук, наполненный золотом и драгоценностями, просто сплавился в один огромный слиток. Виконту пришлось нанимать мастеров из Подгорного царства, чтобы отделили золото и камни от железа. Они это сделали, но взяли в уплату за работу все золото, которое отделили от слитка. А камней у виконта было не так уж и много. После этого конфуза виконту, известному светскому льву и щеголю, пришлось почти на пять лет покинуть столицу... Совсем другое дело сокровищница герцога. Во-первых, в ней не было никакого золота или драгоценных камней (за исключением тех, что украшали лежавшие там предметы). В то же время предметы эти стоили намного дороже, чем все сокровища того же виконта Лумьена, вздумай герцог обратить их в звонкую монету. За один Кинжал Рока шаманы Скального зуба готовы были отдать столько золота, что, даже если бы с того дня и до смертного часа в казну герцога не поступило больше ни одной монетки, он умер бы все еще *очень* богатым человеком. И это при том, что, будучи уже немолодым, герцог вполне мог рассчитывать еще лет на сто пятьдесят полноценной, активной жизни. Однако ценность этих предметов была отнюдь не в их номинальной стоимости. Тем более что герцог вовсе не собирался их продавать...

За два часа до заката герцог вызвал к себе капитана замковой стражи. Когда гигант-джериец, согнувшись в три погибели, с трудом протиснулся в узкую дверь спального покоя, он застал своего хозяина уже полностью одетым. Герцог повернулся к нему, окинул придирчивым взглядом фигуру своего капитана, как обычно, полностью закованную в броню (обычно джерийцы предпочитали легкую, кожаную или в крайнем случае кольчатую броню, но Измиер был уникалом во многих отношениях), и коротко пролаял на секретном наречии джерийских пиратов:

– Приготовь моего коня, Измиер, и возьми с собой еще троих. Мы едем к башне Гвенди.

Грубое лицо джерийца, с которого, казалось, никогда не сходило свирепое выражение, едва заметно скривилось, но он лишь молча склонил голову и тем же макаром, в три приема, протиснулся обратно. Губы герцога тронула легкая усмешка. Капитан его стражи был великим воином, умелым командиром и совершенно бесстрашным бойцом. Единственным, чего он боялся, была башня Гвенди. Ну еще бы, он был уверен, что именно там навсегда лишился своего сердца, которое его господин забрал в качестве залога его, Измиера, вечной преданности. И хотя на самом деле это было не совсем так, у герцога и в мыслях не было развеивать его заблуждения.

Башня Гвенди пользовалась в округе дурной славой, причем настолько дурной, что, хотя вокруг башни росла прекрасная сочная трава, никому из местных пастухов даже в голову не приходило пригнать сюда овец. Да и тех, кто не слышал связанных с нею мрачных легенд (впрочем, в империи было не слишком много таких, кто ни разу не слышал хотя бы одной легенды о четырех Сумрачных сестрах), зловещий силуэт башни заставлял нервно прибавить шаг или подхлестнуть лошадь. Пугались не только одинокие путники. Завидев над кронами деревьев мрачные зубцы с обрушившейся кровлей (отчего башня стала отдаленно похожа на согбенную старуху-королеву, увенчанную искореженной короной), караванщики привставали на стременах и, нервно окинув взглядом высоченные деревья, поросшие мхом и ядовитым плющом, приказывали возницам подхлестнуть лошадей.

Когда герцог добрался до подножия холма, густо заросшего колючим кустарником, солнце уже зашло. Небо еще было светлым, но здесь, под густым пологом ветвей, царил густой сумрак. Герцог спрыгнул с коня, легким движением руки приказал троим сопровождавшим его стражникам оставаться на месте, а сам, поднырнув под низко опущенные ветки, двинулся

вверх по склону. Преодолев примерно половину пути, он остановился перед огромным камнем, густо затянутым плющом и колючими лианами. Теперь предстояло преодолеть самую сложную часть пути. Герцог наклонился и стал шарить руками в траве. Где-то здесь должен быть небольшой камень, который обозначал точное место... Проклятье, он не наведывался в башню уже три года, и за это время камень укрыл плотный слой полусгнивших листьев, травы и всякого мусора. Наконец искомый камень был найден, и герцог, отдуваясь, выпрямился. Уже совсем стемнело, так что надо было поторопиться. Даже самый молодой и бестолковый ученик любой магической школы знал, что наибольшей силы заклинания достигают в полночь и в полдень, в зависимости от того, к каким властителям и стихиям обращается маг. Герцог встал на камень, плотно сдвинул ступни и, разведя руки в стороны, начал читать заклинание. Несколько минут ничего не происходило. С герцога лил пот. Первый закон магии – чем больше масса предмета, тем больше сил надо для того, чтобы что-то с ним сделать. На то, чтобы превратить монету в муху или метнуть кинжал во врага, находящегося в паре лиг (если, конечно, враг не защищен от подобных заклинаний), требуется намного меньше маны, чем если ты хочешь вызвать небольшой теплый дождик над средних размеров полем. Защитная же магия требует не в пример меньше мастерства и умения, а потому довольно широко доступна. Так что и на войне, и в споре между дворянами умелая рука и холодная сталь зачастую значат больше, чем самые могущественные заклинания.

Наконец возвышавшийся перед ним камень вздрогнул и пошевелился. Плющ и колючие лианы поползли во все стороны, будто гревшиеся на солнце змеи, застигнутые холодным ливнем, а сам камень заворочался, словно медведь, выбирающийся из берлоги после зимней спячки, и начал медленно подниматься. Герцог чуть прибавил темп – камень пополз веселее. Наконец щель между камнем и поверхностью стала достаточной, чтобы в нее мог пройти человек, правда изрядно согнувшись. Герцог резко опустил руки к бедрам, и камень послушно замер. Герцог еще несколько мгновений вглядывался в висевшую перед ним глыбу, затем расслабился и вытер рукавом взмокшее лицо. О боги, когда-то он думал, что раз от раза это будет удаваться ему легче и легче, но сегодня у него такое чувство, что ему еще никогда не было так трудно поднять этот проклятый камень.

Отдышавшись, герцог подошел к замершей в воздухе глыбе и, согнувшись, протиснулся в щель. В отличие от поляны, узкий коридор, скрывавшийся за камнем, за прошедшие три года, казалось, совершенно не изменился – все те же поросшие мхом стены, свисающие со свода корни деревьев и кустарников, сумрак и гулкие всплески падающих с потолка капель. Пройдя двадцать шагов, герцог уткнулся в низкую одностворчатую дверь. Когда-то она висела на мощных железных петлях, приваренных к не менее мощной железной коробке. Однако и коробка, и петли, и оковка самой двери давно уже сгнили и рассыпались в прах, и лишь само полотно, сделанное из вечного дерева *меллирон*, упорно сопротивлялось времени. С точки зрения эльфов, любая вещь, изготовленная из *тела* этого священного для них дерева, была чудовищным кощунством, но, если верить легендам, Сумрачные сестры не очень-то обращали внимание на эльфов, да и не только на них, но и вообще на кого бы то ни было. Если есть хорошая древесина, – почему бы не использовать ее на всякие полезные вещи. А после Черной тьмы в сожженных лесах было немало готовой к использованию великолепной древесины, правда изрядно обугленной... Сестры вообще были довольно прагматичны. Герцог ухватил дверь и, напрягши мышцы, просто приподнял ее и переставил к стене. Сразу за дверью начались ступени узкой винтовой лестницы, вырубленной в скальной толще.

На верхнюю площадку он выбрался за несколько минут до полуночи. Посередине площадки возвышался уже знакомый герцогу каменный выступ. За прошедшие три года он тоже покрылся слоем грязи и птичьего помета. Однако времени очищать его у герцога не было. Поэтому он просто вытащил из сумки припасенный как раз для этого кусок полотна и расстелил его. В центре выступа тут же была помещена подставка-подсвечник, оба свечных огарка

расположились слева и справа от нее, ровно на линии восток-запад, из шкурки было вырвано два волоска и воткнуто в огарки в виде фитилей. Окинув всю композицию придирчивым взглядом, герцог снял с шеи привезенный сегодня Беневьером камень, в этой темноте казавшийся просто кусочком угля, и осторожно уложил его в углубление подставки, затем взял в руки Кинжал Рока и, тихо прочитав заклинание, легким движением прикоснулся лезвием к ворсинкам. Над фитилями вспыхнули язычки странного зеленоватого пламени. Герцог замер. Несколько мгновений ничего не происходило. Но это было понятно.

Башня Гвенди сама по себе была чудовищным средоточием магии, хотя и подпорченной и исковерканной буйством стихий и смерчем энергий, вырвавшихся из-под контроля Сумрачных сестер и так сильно повредивших и самое башню. Вот почему, хотя герцог использовал эту башню в первую очередь для того, чтобы замаскировать природу своих магических действий (иначе на следующий же день к нему явились бы делегации шаманов Скального зуба и Светлой Владычицы со всей возможной силовой поддержкой, дабы предъявить свои права на Кинжал Рока и Колыбель Глаза), сотворенные на ее площадке заклинания срабатывали с некоторым запозданием. Наконец, когда он уже потерял надежду, камень, лежавший в углублении Колыбели, едва заметно засветился. Герцог напрягся. Спустя минуту свечение стало чуть сильнее, но затем, сколько герцог ни ждал, больше яркости не прибавилось. Герцог вздохнул и, вытащив из сумки кость, ловким движением притушил обе свечи. Они погасли с едва слышным шипением, в котором внимательное ухо могло бы различить злобные нотки, как будто это не свечи потухли, а зашипела какая-то темная тварь. Впрочем, по большому счету так оно и было.

Когда свечи погасли, герцог прикрыл глаза и несколько мгновений сидел неподвижно. Что ж, он этого ожидал. Некто, кто несет в себе чистую кровь Марелборо, Великого Древнего Прародителя, носившего имя Равный богам, и первого императора, все еще ходит по этой земле. А это значит, что у него появился шанс. *Шанс на все...*

Глава 4

Неожиданная встреча

Новый день в лесу начинается заметно позже, чем в поле. Там, на открытом пространстве всякая живность, предпочитающая свет дня ночной темени, уже вовсю заливается веселым гомоном, приветствуя дневное светило, а здесь, под густой полог ветвей едва пробирается блеклый сумрачный свет. Ночные твари, уже не торопясь, направляются в свои норы, сытно отрывивая и щеголяя раздувшимися от теплого мяса животами, но дневные пока еще не смеют высунуть нос наружу. Здесь ночь еще не кончилась... к тому же не все из тех, кого кличут *ночными*, действительно охотятся только ночью. И что с того, что они успели насытиться, с них вполне станется придушить неожиданную добычу да и прикопать где-нибудь до более скудных времен. А если к тому времени добыча частью сгниет, то так даже лучше, ночным тварям гнилое мясо вроде деликатеса. Недаром многие зимой любят откочевывать к городам людей – и свежее мясо побеззащитней, и могилы бедняков на городских кладбищах не в пример мельче (мерзлую землю копать куда как тяжелее). Так что лес всегда оживает позже поля, а чаща – позже опушки. Это Рргыхнак усвоил еще тогда, когда сам был властелином леса и ему не приходилось на ночь закапываться в кучу прелой палой листвы, наметенную в яму под корнями старого, гнилого соснового пня. Сам ствол рухнувшей сосны лежал неподалеку, вернее, то, что от него осталось. Лес – место битвы, битвы за жизнь, и тот, кто ее проиграл, не очень-то долго будет напоминать окружающим о своем былом существовании. Тела зверей, загнанных на охоте, быстро исчезают в желудках охотников, а то, чем они брезгают, достается острым зубам падальщиков. Трупы же рухнувших деревьев быстро исчезают под островками растительного падальщика – мха и быстро превращаются всего лишь в часть той смеси из палых листьев, веток, перегнившей травы и прошлогоднего мха, что ровным ковром покрывает землю, которую делят между собой и едва приподнявшийся над землей мох, и кусты, и гигантские лесные исполины, и ядовитый плющ, присосавшийся к стволу приютившего его дерева.

Рргыхнак проснулся уже давно, вернее, он вообще не спал. Ну разве можно назвать сном ту зыбкую грань между дремотой и бодрствованием, когда при каждом подозрительном звуке напрягаются мышцы лап, а верхняя губа рефлекторно взлетает вверх, обнажая желтые, но все еще острые и крепкие клыки. Этот старый каррхам когда-то был вожаком сильной стаи. Под его началом ходило почти два десятка самцов и около полусотни самок, а в лучшие годы во время весенних игрищ в стае собиралось до двухсот пастей. Он был силен, стремителен и свиреп. В его личном прайде было шесть самых красивых, гибких и выносливых самок, каждую из которых любой из вожаков другой стаи с гордостью назвал бы первой женой. Ни одна из них ни разу не принесла помета менее чем в четыре щенка, и на весенних играх каждая не раз пробовала на вкус нежную кровь и плоть щенка из помета соперницы. Он был вожаком почти двадцать лет... А потом один из щенков его последнего помета вырос и все закончилось.

Каррхамы взрослеют рано и живут долго. А это значит, что природа отвела им много времени на старость. Но никто никогда не видел старых каррхамов. Потому что, как только каррхам становится слишком слабым и теряет подвижность, его горло тут же ощутит острые клыки претендента на его место в стае из молодой своры. Поэтому, когда в короткой стихийной сваре у тела поверженного кабана-секача вожак вдруг почувствовал, как зубы молодого самца полоснули его по бедру из-за того, что его зубы на долю секунды опоздали, он понял, что его время пришло. Но, на его счастье, это не сразу поняли остальные самцы стаи. А ранивший его сопляк был слишком ошарашен этим обстоятельством, чтобы сразу же врубиться в ситуацию. Поэтому Рргыхнаку удалось громким рыком восстановить порядок и, ухватив зубами положенную вожаку долю – нежнейшую кабанию печень, величественно отойти в сторону, допустив до трапезы самцов. Он был старым и умным вожаком и потому подождал, пока они насыти-

лись до отвала, подождал, пока насытились самки, и лишь когда на остатки добычи набросились щенята, стремительным прыжком порскнул в чашу и побежал. Он не притронулся к печени, милостиво одарив деликатесом Крарру, самую сильную и красивую самку в его прайде, поэтому бежал легко, с пустым желудком, а его стая мчалась за ним с набитыми брюхами. И с каждым прыжком он все больше и больше удалялся от них, лишая стаю законной и почетной добычи. Только тот молодой самец, чьи клыки оставили у него на бедре эту отметину, мчался за ним почти не отставая. Его глаза горели азартом, а из пасти свешивался горячий язык. Он *жаждал* вцепиться в глотку вожаку, потому что чувствовал, что сильнее его. И эта жажда гнала его вперед лучше любого охотничьего рога. Но он забыл, что вожак не только стар, но и опытен и умен...

Пока все остальные набивали брюхо, вожак лежал и обдумывал ситуацию. Поэтому, когда он бросился в чашу, у него уже был готов план действий. Охота на старого вожака случается чрезвычайно редко. Обычно, когда вожак терял силу, его приканчивали там же, на месте, – претенденту достаточно было нанести решающий удар, и на бывшего вожака набрасывалась вся стая. Мало кому удавалось вырваться из кольца оскаленных пастей, в предвкушении исторгавших ключья пены (стая знала, что в конце схватки им все равно достанется теплая плоть – либо бывшего вожака, либо неудачливого претендента). Но когда какому-либо вожаку все же удавалось вырваться и стае приходилось становиться на след, это лишь поднимало престиж стаи. Ну как же – ее столько лет водил на охоту и в набегі такой умный, сильный и свирепый вожак, что даже сумел вырваться... Вот только эта последняя охота для старого вожака все равно кончалась одним. Однако на этот раз все было по-другому. Вожак знал: сделать то, что он задумал, будет очень трудно. Но он хотел *жить*. Пусть не так, как раньше, когда ему доставался лучший кусок и самые горячие самки, пусть в одиночку, впроголодь, но жить, а не хрустеть косточками в молодых пастях. Поэтому он решил рискнуть...

К закату солнца погоня ворвалась в длинное, узкое ущелье. Преследователи, к тому моменту отставшие от своей цели почти на пол-лиги, возбужденно завывали и защелкали челюстями. Это ущелье было знакомо всем, и все знали, что в его дальнем конце находится довольно глубокое озеро, питающееся ключами и подводной рекой. Река эта вытекала из пещер, занимавших весь левый отвесный берег. А дальний конец озера заканчивался водопадом. По всему выходило: деваться добыче некуда. Рргыхнак, к тому моменту успевший немного оторваться и от того сопляка, слегка сбавил темп. За спиной тут же послышался довольный рык, щенок решил, что старый вожак устал... или осознал безвыходность своего положения и вот-вот готов прекратить бег и, повернувшись к стае, попытаться дорого продать свою жизнь, и потому тут же наддал, торопясь застолбить свое право первым схлестнуться с ослабевшим вожаком. Молодости свойственна самонадеянность, и он не сомневался, что сумеет справиться с ослабевшим и уставшим старым каррхамом. Рргыхнак удовлетворенно оскалился: сопляк сам шел в расставленную ему ловушку.

Вода в озере была довольно холодной, но разгоряченный бегом Рргыхнак этого сразу не заметил. Лишь когда уже в трех саженях от камня, торчавшего над водой почти на гребне водопада, справа и слева от которого с грозным ревом обрушивались вниз струи воды, у него свело левую заднюю лапу, старый вожак внезапно испугался. Нет, не смерти, а того, что его гениальный план может рухнуть из-за таких вот глупых случайностей, вроде неожиданной судороги или не вовремя подвернувшейся лапы, и он все равно погибнет, но уже не со славой, а глупо и позорно. Но обошлось, он добрался-таки до камня, и к тому моменту, когда он успел отдышаться и подняться на дрожавшие от долгого бега лапы, судорога уже совсем прошла, оставив только глухую боль в сведенной мышце.

Как он и рассчитывал, сопляк подплыл к камню первым. Он плыл еще совсем по-детски, старательно загребая лапами и высоко поднимая над водой оскаленную морду. Вожак сделал шаг вперед, другой, передние лапы ушли под воду наполовину, затем вода поднялась до

груди. Сопляк был уже совсем рядом, дыша хрипло и возбужденно в предвкушении. Рргыхнак помедлил еще мгновение и... резко опустил морду в воду. Каррхамы не боялись воды и умели неплохо плавать, но они не любили воду и старались по возможности избегать контакта с ней. А уж представить каррхама, *добровольно* опускающего морду в воду, вообще было невозможно. Тем не менее вожак сделал это... и не прогадал.

Мгновение спустя его клыки нащупали напряженно натянутую гортань сопляка и резко сомкнулись. Тот завизжал и попытался рвануться назад, но было уже поздно – течение и вода не оставили ему ни единого шанса. Рывок – и тело с разодранной в клочья глоткой рухнуло на камень позади вожака. Следующей была Крарра... что ж, это было понятно, она была самой юной и самой сильной и гибкой из всех его самок, к тому же она сожрала только печень... Рывок, и рядом с первым рухнуло второе истерзанное тело. А затем вожак развернулся и мягким прыжком выскочил из воды. Еще прыжок – и вот он уже стоит на самом краю, вглядываясь в облако водяной пыли, застилавшее то, что творилось внизу. Впрочем, и то, что удалось разглядеть, выглядело достаточно жутко. Рргыхнак на мгновение отшатнулся, в голове мелькнула мыслишка о том, что он все-таки растерзал претендента и что теперь ему предстоит выиграть еще максимум один бой – и все, он останется вожаком... Но в то же время он четко осознавал, что нет – его время кончилось, стая запомнила кровь на его бедре, и не сегодня завтра найдется кто-то еще, кто бросит ему вызов. Поэтому он резко вдохнул, качнулся назад, зажмурил глаза и... прыгнул вниз...

Все обошлось. Когда Рргыхнак, с легкими, наполовину залитыми водой, сумел-таки, кашляя и отплеываясь, выбраться на берег небольшого озерца, в которое низвергался водопад, он уже знал, что выиграл. Тем, кто в охотничьем азарте добрался-таки до камня над водопадом, остудили головы два еще теплых трупа, а броситься в водопад вслед за ним – нет, таких безумных каррхамов в его стае не было. Если же выйти из ущелья тем же путем, что они вошли, то до ближайшего удобного спуска сюда, на плато, надо было бежать где-то полтора дня, да еще день до того места, где он выбрался на берег. А за два с половиной дня его след остынет настолько, что его уже не возьмет ни один каррхам-следопыт, не говоря уж о самках и молодняке. К тому же долгая охота сродни набегу и потому требует хорошей организации. А какая организация в стае, не имеющей вожака? Выборы нового вожака, подготовка – все это займет несколько дней, да и само преследование, очень вероятно, протянется не одну неделю. А оставлять охотничьи угодья на столь долгий срок опасно, пахучие метки могут выветриться, и соседи вполне могут поставить поверх них свои, что непременно означает кровавую свару по возвращении. И даже если удастся обойтись малой кровью, соседи все равно успеют хорошенько, всласть, проредить их олени и кабаны стада, а зима уже не за горами. Поэтому стая, скорее всего, оставит всякие попытки его преследовать или перенесет их на очень неблизкое «потом»...

Так оно и вышло. И вот уже третий год Рргыхнак кочевал по местам, очень далеким от родовых угодий каррхамов, старательно прячась и осваивая нелегкую и такую непривычную науку жизни укрادкой.

Утро в лес приходит позже, чем в поле... но все-таки приходит. Рргыхнак потянулся, разминая затекшие за ночь лапы и, зевнув во всю пасть, упруго вскочил. Опавшие листья вонючей чернавки, в кучу которых он закопался вчера вечером, взлетели в воздух. Поэтому он не сразу заметил, что прямо перед ним высится злобная фигура, покрытая шкурой такого глубокого черного цвета, что даже до последнего тупицы сразу бы дошло, что перед ним темная тварь. Даже если бы он не знал, что это за тварь. К сожалению, Рргыхнак знал это... и это знание заставило его сердце испуганно затрепетать. Гхарк – тварь, питающаяся болью. И отлично приспособленная для того, чтобы эту боль доставлять. Старый каррхам слишком рано покинул свое немудреное убежище... а может, вонь листьев чернавки, которая так мешала ему этой

ночью, оказалась не такой сильной, как он рассчитывал, и гхарк уже давно его учуял и все это время поджидал, пока он наконец вылезет... Да нет, чепуха, в этом случае темная тварь напала бы гораздо раньше. Впрочем, сейчас уже было все равно. Гхарк – серьезный противник даже для стаи, а одинокий каррхам для него – на один зуб. И все же Рргыхнак не собирался падать на спину и подставлять свое брюхо под наполненные ядом клыки темной твари. Он ощерился и угрожающе зарычал. Гхарк был совершенно безмозглой тварью, но в этот момент Рргыхнаку в его оскале почудилась насмешка. Темная тварь еще сильнее оскалила пасть, обнажив челюсти, между которыми могла свободно уместиться не только голова каррхама, но еще и добрая половина его туловища, и с тихим, но от этого не менее зловещим утробным рыком дыхла в морду Рргыхнаку. Каррхама обдало чудовищной вонью. Первым порывом было отшатнуться, но, похоже, гхарк только этого и ждал. Да что там, наверное, этот выдох был давно отработанным приемом – жертва отшатывалась, и в следующее мгновение клыки гхарка впивались ей в глотку. Но Рргыхнак не стал дожидаться следующего мгновения, он рванул вперед и, как тогда, три года назад, поднырнул под разинутую пасть, отчаянным движением попытавшись дотянуться до глотки гхарка. И это ему почти удалось.

Вернее, это ему удалось *полностью*, но не принесло значимого результата. Его клыки скользнули по толстой костяной пластинке, прикрывавшей глотку гхарка, и сомкнулись со звонким щелканьем, прозвучавшим для старого каррхама похоронным маршем. Гхарк взревел и впился Рргыхнаку в спину. Как только острые ножи клыков темной твари пробili кожу, тело каррхама пронзила такая страшная боль, что, будь он чуть помоложе и не пройди столь суровой школы, он, возможно, просто завыл и принялся бы биться в пасти гхарка, заставляя того щуриться от наслаждения, поглощая отчаянную эманацию боли, исходящую от жертвы. Но старый вождь за свою необычайно долгую для каррхама жизнь прошел через слишком многое, чтобы вот так просто превратиться в кусок обезумевшего от боли окровавленного мяса. Гхарк совершил ошибку, положившись на привычку и понадеявшись на то, что, стоит ему вонзить зубы в горячую плоть, и эта жертва, как и все остальные, потеряет всякую волю к сопротивлению. Поэтому, когда каррхам, изогнувшись, дотянулся-таки до его глотки и, найдя щель между костяными пластинками, вцепился в глотку темной твари, гхарк от неожиданности выпустил загрибок каррхама и, чисто рефлекторно, попытался отшатнуться. Рывок был очень силен, к тому же Рргыхнак не смог даже чувствительно прокусить толстую кожу темной твари, но он твердо знал, что его единственный малюсенький шанс выжить заключается в том, чтобы удержаться, и поэтому только сильнее стиснул челюсти...

Сегодня Трой выбрался из деревни еще затемно. Это было довольно опасным делом, причем не только потому, что темные твари еще не закончили ночную охоту (в конце концов, разве так уж невозможно наткнуться на подобную тварь днем?), просто староста был категорически против подобных ночных вылазок. Тем более в одиночку. Но у Троя были свои резоны. В конце концов, под утро многие Темные уже насытились и лениво трусят к своим норам и логовищам, а он собирался добраться до Одинокого клыка, самой высокой скалы в окрестностях, и забраться наверх. Что было очень непростой задачей. Во-первых, потому что до Одинокого клыка было почти семь часов спорым шагом и, соответственно, столько же обратно. А сколько займет сам подъем – одни боги знают. Возможно, кто-то мог подумать, что эта вылазка – не что иное, как мальчишеская блажь, ну скажите, что делать четырнадцатилетнему парню из глухой деревни на вершине крутой, обдуваемой всеми ветрами скалы высотой почти в пятьсот футов, формой издали очень похожей на саблеобразный клык хищника. Но ни сам Трой, ни Ругир, который и поставил перед ним эту задачу, отнюдь так не считали.

Человек учится и развивается, только преодолевая трудности и решая задачи. И чем лучше он хочет стать, чем выше подняться, тем сложнее и опаснее задачи он должен ставить перед собой. Как-то Ругир рассказал ему легенду о людях, которых боги осчастливили (так они

думали) даром исполнения всех желаний. Сначала этим людям показалось, что на них обрушилось счастье. Ну еще бы, стоило им лишь чего-то захотеть, как это тут же воплощалось в жизнь. Кто хотел дом – получил его, кто любил вкусно поесть – на каждой трапезе радовал небо и язык самыми изысканными яствами и тонкими винами, кто любил предаваться любви – тот был услаждаем самыми прекрасными и услужливыми девушками и юношами. Однако время шло, вкусная еда, экзотические путешествия и услужливые, послушные девушки (или юноши) начали наскучивать, и люди, получившие дар богов, стали задумываться, чего бы им пожелать еще. Кто-то возжелал второй дом, кто-то еще больше девушек, но это уже не доставляло той радости, что сначала. А потом у них родились дети... Когда за стариками, теми, кто первыми получили этот дар богов, пришла Смерть, они пали перед ней на колени и попросили забрать не только их самих, но и их детей, внуков и правнуков, потому что если дети выросли всего лишь дебилами, то правнуки уже превратились просто в куски мяса с прямой кишкой, способные лишь заглатывать пищу и делать под себя. В их жизни не было ни борьбы, ни лишений, ни трудностей, и они так и не смогли стать людьми...

Через частокол он перемахнул довольно легко. Всего и делов-то – дожждаться, пока дядька Мертул, в очередной раз окинув взглядом окрестности, усядется на колоду и усядется на склон холма, на который выходят ворота. Дядька Мертул был единственным из Отцов, кто еще ходил в ночные стражи, но и он уже был слегка туговат на ухо. Спуск по крутому откосу тоже прошел без осложнений. Уж что-что, а скатываться по склону, ловко перехватываясь руками за ветки кустов и обнажившиеся корни деревьев и легко тормозя подошвами башмаков, сшитых из кабаньей шкуры, он наловчился так, что дядя Ругир только кричал от удовольствия (а бабы принимались охать и причитать: «ой, убьется!», «ох, шею свернет!»). Так что, когда он вошел в лес, восток только начал алеть.

За прошедшие годы Трой изрядно подрос и заматерел. Ему никто не давал его четырнадцати лет. То есть свои-то знали, но вот редкие торговцы, прознавшие о том, что тут, на краю земли, появилось и окрепло новое поселение, принимали парня за ровесника старостиного сына, которому зимой должно было сровняться уже восемнадцать. И причиной тому были отнюдь не занятия с Ругиром, а щедрость богов, одаривших мальчишку столь статным и могучим телом. Ругир довольно быстро понял, что развивать силу в мальчишке особо не требуется, природа и сама не поскупилась. Поэтому он по большей части напирал на ловкость, гибкость, проворство. Но и с этим, к его немалому удивлению, тоже особых проблем не было. Обычно люди, щедро одаренные ростом и силушкой, довольно неуклюжи или, по крайней мере, медлительны. Что и понятно: пока еще нервный импульс приведет в действие этакую гору могучих мышц и тяжелых костей...

Но к Трою это не относилось. Похоже, его мышцы работали совершенно по-другому, не так, как у обычных людей. Во всяком случае, несмотря на то что Трой к двенадцати годам уже всю работу в кузне у Тристана молотобойцем, ему не составляло особого труда пожонглировать тремя-четырьмя остро отточенными метательными кинжалами или пробежать по провисшей веревке между двумя качающимися соснами. Ругир диву давался, глядя на этого необыкновенного мальчика... и гонял его еще нещаднее, бормоча себе под нос: «Кому боги много дали, с того много и спросят». Впрочем, Трою это было не в тягость. Он воспринимал занятия как новую игру или скорее как новый вид озорства. Ведь сам он озорствовал не оттого, что ему так уж хотелось заставить людей понервничать, просто его бьющая через край энергия постоянно требовала выхода.

А тут дядя Ругир предложил ему такие интересные игры... и он принимал их не просто с удовольствием, а с восторгом. Возможно, впрочем, что его успехи в упражнениях как раз и объяснялись тем, что он занимался ими не просто старательно, а истово, со страстью, временами даже скрывая ушибы и ссадины из опасения, как бы дядя Ругир из-за этого не объявил

завтрашний день днем отдыха. Однажды он сорвался со скалы, на которую его загнал Ругир, и, тормозя, сорвал о веревку кожу с ладоней до костей. Но на следующий день как ни в чем не бывало пристал к Ругиру, уламывая того отправиться-таки в дальний переход к болотам, как обещал. А на вопрос, как он пойдет с такими руками, беспечно ответил:

– Подумаешь, – тряпьем заматаю, через седмицу пройдет...

В принципе, Трой уже не раз совершал такие *марш-броски*, как их называл Ругир, просто сегодняшний был самым дальним из тех, что требовалось совершать за один день. К тому же лето уже повернуло к осени, и темнело теперь много раньше, чем луну назад. Так что опасность столкнуться с Темными была не в пример больше. Впрочем, до самого опасного времени, которое наступало за полторы луны до зимнего солнцеворота и продолжалось до самого весеннего «уполовиния», то есть дня, когда ночь снова сравнивалась с днем, было еще далеко.

Трой успел отойти от деревни почти на лигу, как вдруг до его ноздрей донесся резкий сладковато-терпкий запах. Трой, шагая, собирался как раз сделать шаг – да так и застыл с занесенной ногой. Умение мгновенно замереть на месте – в лесу первейшее из умений. Без него ни к зверю подобраться, ни самому уцелеть. Многие опасные звери или Темные человека различают плохо, тем более если он одет по-лесному да натерся корнем сельмянки или отваром дубовья, а вот движение чуют за версту. И не только глазами, но и ушами, и носом, короче, всем, что у них там есть. Поэтому, если зверь, за которым ты охотишься, либо тот, который охотится на тебя, вдруг что-то учуял – замри, авось не заметит, или, может, за куст или пенек примет... Трой несколько мгновений простоял с поднятой ногой, затем осторожно опустился на корточки, продолжая неслышно втягивать носом воздух. Запах был мерзкий, очень мерзкий, он с таким еще ни разу не сталкивался. Это означало, что впереди что-то незнакомое и, скорее всего, опасное. А что может быть опаснее, чем темная тварь?! Поэтому все инстинкты прямо-таки вопили Трой: беги, беги! Но бежать было нельзя, бежать было полной глупостью.

Темные твари слишком быстры, чтобы от них можно было убежать. Ему еще повезло. Судя по всему, эта тварь уже кого-то стерегла и потому до сих пор не заметила Троя. Поэтому следовало тихонько отползти подальше, а затем, плюнув на весь этот гребаный марш-бросок, со всех ног нестись в деревню. Темные твари так близко от деревни – это... Однако Трой не стал делать ничего из того, что представлялось наиболее разумным. Он никогда не видел темных тварей, и он был бесшабашным мальчуганом четырнадцати лет от роду... поэтому он поступил так, как *никогда* и *никому* поступать не следовало. Трой опустился на четвереньки и, медленно передвигая руки и ноги, так, чтобы не то что никакая веточка не хрустнула, а ни единого листика не шевельнулось, пополз в сторону, откуда доносился запах.

Через долгие десять минут он добрался до вершины небольшого взгорка, где рос куст вонючей чернавки. Похоже, ему продолжало везти. Легкий утренний ветерок по-прежнему дул на него, принося запах, перебивавший даже вонь от опавших листьев этого мерзкого куста (у чернавки особенно сильно воняли именно опавшие или сорванные листья), каковая, в свою очередь, хорошо маскировала его собственный запах. Подобравшись к краю, он осторожно высунул голову над гребнем. Внизу у кучи палых листьев стоял... Судя по чешуйчатому панцирю, прикрывавшему все тело, это был гхарк – тварь мерзкая, опасная, но не из самых крупных, про которых рассказывали ему староста и дядя Ругир. Однако связываться с ней не стоило. Если уж дядя Ругир говорит, что ни за что бы не рискнул выйти на подобную тварюгу в одиночку, значит, и самому Тройу делать этого не стоит... Поэтому, полюбовавшись на темную тварь еще пару мгновений, Трой начал все так же медленно и осторожно, дабы не привлечь внимания резким движением, втягивать голову обратно. И когда ему это уже почти удалось, куча палых листьев перед гхарком зашевелилась, и перед изумленной публикой (в лице одного Троя) предстал мускулистый каррхам. Мгновение он ошарашенно пялился на возникшую прямо перед ним смерть, потом оскалился и грозно зарычал.

Гхарк качнулся вперед и, коротко взрыкнув, шумно пыхнул своей вонью прямо в морду каррхаму. Трой невольно сморщился, представив, каково сейчас этому лесному убийце, если даже у него, Троя, от вони скулы заныли. Однако каррхам не поддался на столь подлый прием. Он неожиданно пригнул голову к лапам и попытался вцепиться гхарку в глотку. И это ему почти удалось... Спустя мгновение Трой уже ничего не мог разобрать. Две твари внизу – одна стоила другой – сплелись в рычаще-визжащий клубок. Трой несколько секунд молча смотрел на это зрелище, а затем неожиданно для самого себя потянул завязки плаща и выхватил из-за пояса узкий длинный кинжал...

Когда Рргыхнак сумел, наконец-то, справиться с болью и разлепить налившиеся свинцовой тяжестью веки, то с удивлением обнаружил, что находится все еще вдаль от Священных полей предков. Вонь стояла нестерпимая, что означало: гхарк где-то рядом и, судя по шумному хрусту листьев, вполне жив и активен. Вот только почему-то не нападал. Старый каррхам несколько мгновений лежал, оценивая шансы, затем шумно вздохнул и попытался привстать на передние лапы. Шансов у него не было, оставалось только умереть с максимальным достоинством. К его удивлению, гхарк, чьи лапы он разглядел всего лишь в паре пальцев от своей морды, никак не отреагировал на его неуклюжие движения. Более того, он даже не пошевелился. Рргыхнак удивленно повернул болтающуюся от слабости голову в сторону шуршащей травы. О, боги охоты! Гхарк был мертв! А в куче листвы елозил молодой представитель расы людей, который был занят тем, что пытался отпилить у темной твари ее хвост. Каррхам перевел изумленный взгляд с бездыханного труп гхарка на занятого делом юного человека, вздернул верхнюю губу и угрожающе зарычал. Человек оглянулся на него и весело рассмеялся:

– Да брось ты, поглядел бы на себя, ты сейчас в таком виде, что тебя можно вырубить щелбаном... Но не бойся, не для того я тебя выручал, чтобы потом прикончить.

Выручал?! Рргыхнак перевел взгляд на труп гхарка. То, что сказал этот недоносок из рода недоносков, звучало странно, но, с другой стороны, если кто и убил гхарка, то явно не он, Рргыхнак, он вообще не мог понять, как остался жив... А третьего претендента на столь почетную роль поблизости не видно. Между тем парень, заметив его взгляд, пояснил:

– Вообще-то это было не трудно. Темная тварь была так увлечена тем, как посноровистей порвать тебя на куски, что совершенно не смотрела вверх. Так что, когда я свалился ей на загривок, она не успела среагировать. А мозг у нее оказался как раз там, где и рассказывал дядя Ругир, под седьмой хребтовой чешуйкой, считая от ушей... Опа! – удовлетворенно закончил он и поднял над головой отпиленный хвост. Несколько мгновений он разглядывал его, затем повернулся и с сожалением посмотрел на тело гхарка.

– Эх, голову бы оттяпать, да топора нет, а этим, – он покосился на кинжал, – столько провозишься... – Парень, сокрушенно вздохнув, протянул руку к застежке, расстегнул ее и скинул с себя плащ. Расстелив его около Рргыхнака, он кивнул ему:

– Ну давай, ложись, все одно сам идти не сможешь.

Старый вождь несколько мгновений недоуменно пялился на глупую обезьяну, но тут истерзанное тело не выдержало, лапы подогнулись, и каррхам рухнул на подстеленный плащ. Так у Троя появилась его «собачка»...

Глава 5

Беневьер

– Да, мой лорд!

Беневьер поклонился еще раз и, толкнув задом массивную дверь кабинета, выскользнул наружу. Оказавшись в узком, коротком коридорчике, ведущем от лестницы к кабинету герцога, пройдоха перевел дух и привычным жестом взвесил на руке кошель. Не бог весть что, но это всего лишь на пару дней. Вряд ли герцог позволит ему прохлаждаться дольше. Последнее время он стал уж больно нетерпелив. Впрочем, если предположения Беневьера верны, герцога поджидает время. Здоровье старого императора изрядно пошатнулось, а все знают, что если дворянин начал болеть, то его годы близятся к закату. Конечно, уж кто-кто, а император вполне может протянуть еще не год или два, а, как минимум, десяток лет, прежде чем его душа отойдет к богам, но хозяин Беневьера собирался встретить этот знаменательный момент во всеоружии. А, судя по всему, *основное*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.